Война ангелов. Игнис

Автор:
Ник Перумов

Война ангелов. Игнис

Ник Перумов

Миры УпорядоченногоСказки Упорядоченного #5

Нет никого страшнее людей, готовых нести счастье всем, даром и чтоб никто не ушёл обиженным – особенно если эти люди владеют высокой магией. И вот уже знаменитая Гильдия Боевых Магов отступает и несёт потери, горят миры и рушатся крепости, а Долина Магов оказывается в опасности. Что поможет победить, переломить волю фанатиков? Чародейка Клара Хюммель считает, что оружие, валькирия Райна – честь, Ричард д’Ассини – хитрость, а ловец магических тварей Эварха – здравый смысл… Однако, так или иначе, бой приходится принять, и Гильдия стоит насмерть. Ловец Эварха, волей судьбы оказавшийся в самой гуще событий, чувствует за всем этим чью-то злую волю – только вот чью?

Финальная битва Войны ангелов ответит на все вопросы!

Ник Перумов

Война ангелов. Игнис

© Перумов Н., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Глава 1

Ловцом Эварха был хорошим, а вот самому уловленным быть ему ещё не приходилось. По крайней мере, так унизительно, как сейчас.

Девчонка Хаэльдис припрятала монастырское золото где-то среди полипов, в глубине зарослей. Вернулась мрачная, с расцарапанной скулой – явно лазила по опасным местам, прятала понадёжнее, но недалеко. Эвархе это не понравилось – если девица почти его не стесняется, значит, уверена, что ему уже не вырваться, не вернуться сюда за своими денежками.

Что она задумала? Убьёт? Сдаст местным магам для опытов или местным жрецам для жертвенника?.. Шансы выкрутиться, честно признался себе ловец, во всех случаях весьма невелики. Но сдаваться он не собирался.

На вопросы она больше не отвечала, молча и тщательно обыскала пленника, прощупав и швы, и подкладку куртки, и даже поковыряв сапожные каблуки толстым коротким ножом. Эварха лишился всего своего имущества, в том числе и бесценного мизерикорда, ритуального игольчатого клинка, носимого на запястье – а вот перстень с черепом остался. Похоже, черепушка умел, когда надо, прикидываться незаметным – даже маги Долины, уж на что многознающие, и то внимания не обратили. Увидел его разве что этот их Архимаг, больно уж цепкий старик, мимо такого и призрак незамеченным не проскочит, – но почему-то не тронул.

Потом она повела его к сиявшему впереди миру, слегка подталкивая в спину. Развязывать верёвки эльфийской работы тоже не стала, лишь слегка распутала лодыжки, так что Эварха семенил по тропе мелкими шажками, точно императорская наложница на прогулке.

Но когда тропа уже нависла над облаками и небольшим, ласковым светилом, когда взорам открылся океан с коричневато-зелёными заплатами материков и крапинками островов, – на пути выросла застава.

«Эвон что, – удивился ловец, – и эти додумались заплоты в Межреальности ставить, как монахи! Неужто для них из мира выбраться – проще жареных грибов?.. Оно далеко не всем магам по силам, а тут, глядите, обычные стражники!»

Заплот оказался небольшим – не крепость и не монастырь, как возле Игниса, а всего лишь связанный из сухих стволиков полипов плетень, за которым укрывались вооружённые до зубов стражники. Не больно-то какая сила, но и мимо незамеченный не пройдёшь. Хаэльдис придержала ловца за локоть и замахала рукой – свои, мол, свои!

Начальник, чей шлем украшало пышное синее перо, глянул на неё свысока.

– Ого, пигалица! Кого-то словила, я погляжу?

Хаэльдис выпрямилась.

– Доглядчика веду, споймала недалече. То-то нам с вами награда выйдет!

Стражники захохотали.

– А пошлина, пигалица? Награда наградой, а пошлины никто не отменял!

– Пустоват доглядчик, господин начальник Нитте. Вот, всё, что нашуршала. – Девчонка, честно хлопая глазами, протянула им верный дорожный нож Эвархи, и ловец едва не застонал от досады. Ну надо же так глупо, так недостойно попасться и всё потерять, даже нож!..

Начальник стражи ухватил Хаэльдис за подбородок и приподнял голову, вглядываясь в гневно прищуренные глаза; она не сопротивлялась, только сжала побелевшие кулаки. «Да если б она могла, – подумал Эварха, – она бы всех этих мужиков в кирасах перерезала бы не задумываясь» – такая в ней полыхнула ярость.

– Птичка моя, – нежно сказал Нитте, – нехорошо обманывать старших. Благодари вышние силы, что ты такая костлявая, а то мы бы тебя за неуважение к порядку тут же бы и растянули…

Стражники опять загоготали – чувствовалось, что подобный ритуал они проделывают не впервые, – однако гоготом пока и ограничились.

– Нехорошо так, Хаэ. – Начальник покачал головой. – Ну так что, растянем тебя или всё-таки внесёшь положенную плату?

– Иглокрыла вам в!.. – прошипела Хаэльдис.

Разжала кулак – нож упал на тропу, полезла куда-то за пазуху и извлекла три полновесных золотых кругляша.

«Господин начальник Нитте» с немалой ловкостью их забрал и задумчиво взвесил на ладони, не торопясь отпускать девчонку.

– Это что, всё, что ли, пигалица? Маловато будет!..

Хаэльдис задёргалась, пытаясь высвободиться, так что Эварха даже испугался за неё. Помрёт ещё! Конечно, пленником девчонки быть унизительно, зато не так вредно для здоровья, как пленником этих бугаев и амбалов.

– Эй, ты, она ж сейчас задохнётся!..

Стражники совсем развеселились.

– Надо же, кто заговорил! Может, подойдёшь, поучишь, как с девкой обходиться?..

– Развяжете – поучу!

Стражники так и покатились со смеху, а начальник веско заметил:

– Мы товар не портим. Вот поработают с тобой падре нашего возлюбленного профосы, тогда и приходи. Если сможешь…

– Тварина ненасытная, – прохрипела Хаэльдис, стараясь вывернуться. – Чтоб тебе чрево разорвало!

Нитте покачал головой и чуть сильнее сжал ей горло. Хаэльдис тщетно билась, скребла пальцами его руку – хватка разве что усиливалась. Эх, удавит ведь, как котёнка…

– Оскорбление стражи при исполнении ею святого долга защиты карается заключением в холодную камору до осознания злохульником своей вины, – нараспев процитировал господин начальник, споро обыскивая свободной рукой дёргающуюся девчонку. Золотые он уже куда-то спрятал. Мигнул подчинённым – и один из стражей, бородатый детина в кожаном доспехе, так же споро обыскал и Эварху. Ловец крепче сжал кулак с перстнем – но перстня стражник тоже словно бы не заметил.

– Ну что ж ты такая костлявая, а? – Господин Нитте с сожалением отпустил Хаэльдис. Та кулём рухнула на тропу, тут же схватившись за шею. – Тебя и щупать-то удовольствия никакого! Хоть бы отъелась ради нас, пигалица.

Девчонка молчала, сверля стражников злобным взглядом.

Добычей Нитте стала тонкая золотая цепочка с синим камушком – очевидно, собственность Хаэльдис, – и принадлежавший Эвархе амулет-путеводитель. Не то «золотое яблочко», что ссудил ему Пустошник, а другой, выданный в Долине, – шар из чёрного стекла, в котором золотыми звёздочками сияли окрестные миры. Очень полезная штука.

Была, поправил себя ловец.

Прочие его амулеты, очевидно, ушлая девица припрятала в тех же зарослях.

– Нехорошо скрывать от старших такие вещи, – назидательно произнёс господин Нитте, крутя в пальцах амулет. – Вечно тебя учить надо, отчего ты такая упрямая, а?..

Стражники в предвкушении добычи заметно оживились.

– А ежели немного откормишься, то и по Междумирью бегать не надо – служи при нашем посту, хе-хе, в тепле да сытости, мы тебя не обидим!

– Да бросьте её, господин! – крикнул кто-то. – Мы себе пофигуристее найдём и происхождением получше! А эта чокнутая gwastraff пусть и дальше на побегушках скачет!

Хаэльдис буркнула нечто нечленораздельное – похоже, снова проклятие, однако стражники посмеивались вполне добродушно.

Девчонка, как видно, расплачивалась таким образом не впервые. И явно находилась под чьей-то защитой – ибо стражники всё же не решились навредить ей по-настоящему.

– Сдаётся мне, дева, мы с тобой похожи…

Хаэльдис метнула в его сторону злобный взгляд, но ловец заметил и пробежавшую по её лицу тень облегчения. Так-так, птичка-то думает, что всех обманула!.. Удачно откупилась от рубежной стражи золотом – чужим, заметьте, золотом, как не преминул бы добавить старина Пустошник; удачно припрятала добычу, а Эварху записала в покойники. Ну, это мы ещё поглядим!..

– Давай-давай, шевелись шибче, золотенький. Мало у нас времени, ох, мало…

От поста до привольно раскинувшегося мира идти оставалось всего ничего.

Мир оказался плоский, как и тот, погибший, вокруг которого вились роем ангелы.

А этот был жив: текли по зелёно-коричневым равнинам голубые реки, вздымались чёрно-серые горные пики, увенчанные белоснежными ледяными коронами, волновались под привольными ветрами золотисто-зелёные степные просторы, синие океаны несли на своих спинах бесконечную череду волн. Ловец аж залюбовался.

– Скажи-ка, дева Хаэльдис, что это за место?

Она дёрнула плечом:

– Идиллия. Так прозывается. Нешто не знал, коль ошиваешься окрест?

– Не знал. Я тут вообще случайно очутился. Ты бы, прежде чем узлы-то на мне вязать, спросила сначала…

Девчонка только фыркнула в ответ. Вытащила откуда-то грязный платок и принялась на ходу стирать с лица маскировочные полоски.

– А в этой вашей Идиллии куда мы пойдём?

– Много будешь знать, скорее сгинешь, золотенький. Вначале допросят, как уж положено, а там как Спаситель попустит.

– Да в чём же мне признаваться? Я случайно под магический удар попал, меня как швырнуло, да и выбросило сюда! Неужто мимо вашей Идиллии проходить – уже преступление?!

Вместо ответа она легонько подтолкнула Эварху к краю тропы:

– Вниз давай. Хватит лясы точить. Путь нам скорый да тяжёлый.

Поначалу ловец не понял, отчего это путь тяжёлый. В мир спускались безо всяких приключений, почти незаметно, как и в Игнисе, – словно кто-то специально построил незримую лестницу в небесах. Эварха будто на крыльях летел, невзирая на путы, – только чувствовал, как Хаэльдис время от времени бросает какие-то заклятия, то ли открывая перед ними дорогу, то ли облегчая её.

Внизу, под белыми облачными перьями, лежала земля – на вид самая обычная, неровные квадраты полей, тёмные кляксы городов, дороги, реки…

Присмотреться ловец не успел – спустились быстро, под конец чуть не кубарем на землю скатились, очутившись за городской окраиной, на задах не то постоялого двора, не то конюшни.

Голова у ловца изрядно кружилась после стремительного спуска, однако девчонка отлежаться не позволила. Пинками и понуканиями подняла его на ноги и потащила за собой – какими-то козьими тропками позади помоек и заросших бурьяном огородов, приговаривая:

– Ну, шевели копытами, сыть вампирья, коль жить охота! Скинулись-то мы скоро, да не тайно! Сейчас злыдни княжьи наскочат, повяжут нас, ежели не утечём! Давай, давай!

При этом, конечно, никто и не подумал снять с ловца стянувшие щиколотки верёвки. Совершенно одуревший, он семенил за Хаэльдис, то и дело спотыкаясь, торопясь, хотя понятия не имел, почему «злыдни княжьи» так рвутся наскочить и повязать.

Путь их кончился внезапно, за каким-то полуразрушенным сенным сараем.

– Нишкни! – Хаэльдис для пущей доходчивости дала ловцу лёгкий подзатыльник. – Пикнуть не моги! Вернусь скоренько.

Эварха покорно плюхнулся на полусгнившее бревно и сидел на нём, постепенно приходя в себя. Мир вокруг переставал кружиться, и до ловца стало доходить, что вокруг ранняя осень, что солнце давно перевалило за полдень и что они с Хаэльдис и вправду находятся в каком-то небольшом селении – невдалеке слышался собачий лай, стук топора, недовольное мычание и глухой перезвон церковного колокола; на ловца наплывал запах навоза, опилок и – самое главное – слегка подгоревшей каши. В животе требовательно заурчало, и тогда Эварха решил, что достаточно очнулся, чтобы попытаться освободиться.

Не вышло – не успел он исследовать узлы на тонкой серебристой верёвке, как вернулась Хаэльдис, ведя в поводу пожилого мерина гнедой масти, запряжённого в старую-престарую тележку. В тележке горой навалена была свежесобранная брюква, даже землю толком не обтрясли.

– Поселяне, жадюги, за брюкву содрали, как за лучшую пшеницу, – пожаловалась девчонка, утирая вспотевший лоб. Пёстрое перо по-прежнему каким-то чудом держалось у неё в волосах. – Сиди смирно, золотенький, буду чары наводить. Дёрнешься хоть разок – худо будет, ой, худо!

Эварха счёл за лучшее не дёргаться. Мало ли, что у неё на уме… А Хаэльдис, привязав мерина у щербатой стены, принялась раскладывать вокруг пленника пучки сухих трав, косточки, камушки и связки разноцветных ниток. При этом она шептала что-то на непонятном языке, прищёлкивала пальцами, постукивала

камушками, и Эварха сам не заметил, как на него навалилась тяжкая, неодолимая дремота. Он разом спал и не спал, всё видел, всё слышал, ощущал, но не имел силы пошевелиться. Даже думать – и то толком не мог.

Хаэльдис шептала долго, а как закончила – сняла с пленника верёвки.

– Ну вот, не утечёшь ноне, золотенький… Поехали, покамест чары свеженьки! Давай-давай, не то ущучат нас, кто к князю попадёт, того и костей не найдёт! – и прибавила ещё какое-то слово, от которого Эварху словно вздёрнуло на ноги.

Повинуясь командам Хаэльдис, он взгромоздился на тележку, девчонка села рядом, причмокнула, и мерин равнодушно потащился по кочкам. Деревня осталась позади, и вскоре они выехали на оживлённый тракт, ведущий к видневшемуся вдалеке городу.

Повозки, гружённые разнообразным товаром, влекомые медлительными чёрными волами; гикающие верховые; вереницы крестьян и крестьянок, тащившихся по вытоптанным обочинам, какие-то паломники, нищие, бродячие торговцы; старая тележка с брюквой очень быстро затерялась в этом потоке.

Мрачноват был, если честно, этот поток, даже очень. Редко на ком мелькнёт добрый плащ или хотя бы справная рубаха. Да и, судя по лицам, народ здесь скорее привык к бедам и несчастьям – большинство угрюмые, словно пришибленные. Местность справа и слева от дороги тоже не располагала к идиллическим мыслям – домишки попадались мелкие, низкие, тесные, не сравнить с тем же Игнисом. Там простой народ, насколько помнил ловец, отнюдь не бедовал.

Сам же Эварха только и мог, что тупо таращиться на мелькающие лица и ступицы колёс, зато Хаэльдис, кажется, немного расслабилась. Откинулась на прикрытую мешковиной брюкву, достала из заплечного мешка осколок мутного зеркала.

– Глянь, золотенький, какие мы красавы! Эльфью кровь твою княжьим ищейкам не учуять, глянь!

Эварха с трудом перевёл взгляд. В осколке отражались две на редкость несимпатичные рожи – чумазые, одутловатые, красные от солнца и браги; пегие

волосы у мужчины встрёпаны, у женщины – повязаны нечистым платком. Ловец не сразу даже понял, кого он там на самом деле видит.

– Хороши вышли, а? – Хаэльдис игриво ткнула его острым локтем. – На вот, поешь пока. А то непонятно, что впереди-то ждёт.

Она сунула ему в руку чёрствую горбушку, сама с энтузиазмом вгрызлась в другую.

– Нищево у этих пощелян не допрощишшя! – сокрушалась она с набитым ртом. – Шухарей продали задорого…

К городу они подъехали, когда уже вечерело. Ворота ещё стояли открытыми, однако повозки перед ними сгрудились, мешая друг другу, возчики и торговцы отчаянно ругались, пихались, лезли вперёд – никто не хотел оставаться ночевать под стенами.

Хаэльдис, завидя столпотворение, свернула на обочину. Мерин невозмутимо тащил тележку по траве, распугивая устраивающихся на ночлег паломников и нищих – вслед неслась отборная ругань, но деву это не смущало. Одной рукой удерживая вожжи, другой она извлекла из-за пазухи глиняную флягу, зубами выдернула пробку и щедро плеснула Эвархе на грудь домашним самогоном.

– Вот и славно!..

Ловец не имел сил сопротивляться и покорно вдыхал пары самогона, чувствуя, как начинает кружиться голова.

– Вот, золотенький, ты уже и лыка не вяжешь!

Тележка, переваливаясь, подкатила к воротам с другой стороны, где пропускали пеших. Хаэльдис спрыгнула на землю, повела мерина в поводу, нещадно толкаясь.

– Эй, ты! – Стоявший у ворот стражник замахал руками. – Куда прёшь, сущеглупая? Иль не видишь, с повозками – туды! Туды, я сказал!

– Ой, да разве ж это повозка, миленький! – заголосила девчонка, удивительно точно копируя деревенскую бабу. – Это не повозка, это гроб ездячий! А в нём смертушка моя спит, нализался по дороге, где только успел, скотина эдакая!..

В толпе, начавшей было возмущаться, раздались смешки, кто-то крикнул:

«Сама ты дура, видала небось, за кого замуж шла!»

Хаэльдис всё так же решительно расталкивала пеших, пробиваясь к воротам и не переставая голосить.

– Ой, миленький, не погуби, да не проехать мне в те ворота до заката! Да как я с этим пьянчугой-то в чистом поле останусь, оберут меня, бабу, снасилят!.. Не погуби, пропусти несчастную!

– Пошла вон, дура!

В толпе заругались и затолкались, и тут Хаэльдис, почти добравшаяся до ворот, применила военную хитрость.

– Да разве ж я без понимания, да разве ж я не вижу, что люди тут с утра давятся!.. Эй, народ, кто пропустит меня, довезу до Нижней площади за так, лезьте на повозку! Только доблестному стражу пошлину не забудьте!

В толпе тут же возникло движение. Стражник, сообразив, что против такого предложения не возразишь, споро собрал медяки, а Эварха в момент оказался зажат между сопящими, благоухающими чесноком и немытым телом крестьянами.

Бедолага мерин, нагруженный сверх меры, едва ноги переставлял, но кое-как, уже в сумерках, дотащился до рекомой Нижней площади.

Тут Хаэльдис, не стесняясь в выражениях, разогнала всех пассажиров, завела мерина в проулок между двумя постоялыми дворами и снова связала ловцу руки. Распрягла мерина, похлопала по крупу: «Удачи тебе, добрая скотинка» – и подёргала Эварху за куртку.

– Слазь. Двигать пора.

Ловец с изумлением обнаружил, что чары спали с него, он вновь способен и говорить, и ходить, и соображать.

– Едва успели, – буркнула девчонка. – Чары-то мои до темноты, а там и облик истинный, и язык – всё вертается. Шевелись, злыдень, нам ещё до Подворья добираться…

Эварха быстро понял, что связали ему не только руки – на шею была умело накинута удавка, и при любом его резком движении Хаэльдис затягивала её, дёргая за свободный конец. Не сбежишь.

Город ловцу сразу не понравился. Воняло гадостно, мрачные дома почти сходились над узкими проулками: руки вытянешь, так противоположных стен коснуться можно. Вдоль домов в мелких сточных канавах копошилась отвратительная даже на вид живность – какая-то помесь мышей с ящерицами, за которой охотились жирные наглые крысюки. Даже в Вольном городе, с его перенаселённостью, улицы были куда чище. «Да что ж они тут, вовсе мусор не вывозят?» – поразился ловец. Ни мусор, ни нечистоты. Золотарей тут явно нехватка.

– Тьфу, мерзость! – Улочку прямо перед ними неспешно и торжественно пересекала здоровенная змеюка в руку толщиной. Поглядела на ловца светящимися в полумраке глазами, пошипела нахально и продолжила себе путь.

Змей в городах Эварха не видывал ни разу, хотя городов повидал с преизлихом – и бедных, и богатых, и преуспевающих, и не очень.

Хаэльдис держала путь узкими, безлюдными переулками, через какие-то руины и пустыри, а если приходилось пересекать улицу пошире – всегда вначале убеждалась, что поблизости никого.

Огня не зажигали, дорогой молчали. Впрочем, вскоре на небо выползла большая зеленоватая луна, и идти стало легче.

Когда Эварха уже основательно выбился из сил, девчонка остановилась. Она здорово запыхалась и растрепалась, глаза лихорадочно блестели.

– Ну, золотенький, теперь молись Спасителю, чтоб дойти! Чуток осталось, да самое страшное. Меня слушай, делай в точности, как скажу!

Эварха торопливо кивнул. Бедняцкие кварталы, замусоренные, тёмные, где в ночи шастают тати и крысы со змеями, остались позади; дома вокруг стали выше, проулки – чуть почище. Куда ж ещё его потащат?!

Оказалось – в подземелья.

Они спустились в какой-то сухой колодец, потом – по полусгнившим деревянным ступеням ещё ниже, и перед Эвархой открылись неровные туннели, пробитые в известняке водой в незапамятные времена. Вода отсюда давным-давно ушла, но пришло что-то иное. Может, нежить, может, твари, может, тёмные маги – ловец чувствовал впереди, во мраке, злобу и неутолимый голод. Хаэльдис засветила обычный факел, но всё стояла, не торопясь идти вперёд, словно прислушивалась.

Что-то горячо толкнулось в ладони. Эварха пошевелил связанными запястьями – ну так и есть, перстень ожил, нашёл время. С другой стороны, а вдруг от черепушки будет какая польза в этих каменных кишках? Он куда лучше человека чует магию, даже лучше полуэльфа, и отреагировать может быстрее.

– Эй, дева! Хаэльдис!

– Тих-хо!..

– Да чтоб тебя, малахольная, хоть раз послушай! Развяжи меня. Клянусь, не убегу. Но хоть помочь тебе смогу, я же чувствую, какое тут, под землёй, зло сидит…

Девчонка обернулась и одними губами ответила:

– Никогда.

Эварха шёпотом выругался. Перстень жёг пальцы нестерпимо, очевидно, черепу тут совсем не нравилось.

– Эй, дева. У меня на правой руке кольцо, сними его. Да не бойся, дура!

Девчонка сверкнула глазами, пристроила факел в щель и осмотрела связанные кисти Эвархи. Через мгновение палец жечь перестало, а девица пробормотала:

– Тю, как это я проглядела-то…

Череп в перстне мелко стучал зубами, а глазницы, невиданное дело, сияли мертвенно-синим светом. Хаэльдис подняла его повыше – череп немедленно повернулся влево, светя глазницами во тьму.

– Это ты, золотенький, вовремя мне подсказчика нашёл… А ну, шевелимся!

Так они и шли во тьме, нарушаемой только шорохом шагов да треском прогорающего факела. Пройдут, постоят на развилке, череп укажет путь – и вперёд. Развилок было много, и почти все – на несколько туннелей; только теперь ловец понял, как сильно они рисковали бы, не окажись у него волшебного перстня.

Мало знать верное направление – надо ещё обойти нечто, таящееся в темноте, не выдать себя, не встревожить тварей. Всякое с ним случалось на охоте, не сказать что впервые пришлось пробираться по опасным подземельям, однако к тому времени, как путь закончился возле обитой неровным железом толстенной двери, Эварха взмок, как будто его водой облили. Хаэльдис выглядела не лучше, даже пёстрое перо едва держалось в растрёпанных волосах.

Из какого-то потайного кармашка девчонка извлекла маленькую печать чёрного камня; приложила к одному из углублений, густо усеивавших железные полосы, и дверь тут же бесшумно отошла. Отошла – и сразу задвинулась обратно, путники едва успели проскочить в щель. Но вместо очередного туннеля перед ловцом оказалась узкая винтовая лестница, а за ней – новая преграда, точнее, две: железная решётка из толстых прутьев и обычная, хоть и массивная, дубовая дверь. Дверь со скрипом приотворилась, и из темноты надтреснутый голос вопросил:

– Кто тут меня беспокоит в столь ранний час? Ты, что ли, Хаэльдис, недостойная?

Девчонка тотчас дёрнула удавку на шее ловца, давая ему понять, чтоб молчал, и смиренно ответила:

– Это воистину я, отче. Позволенья нам войти покорно прошу.

Эварху с головы до ног окатила горячая волна магии – он не разобрался какой, но совершенно точно не святой, не силы Спасителя, как в Игнисе. Скорее, смесь стихийных заклятий, прощупывающих, испытывающих, ищущих ловушки и настороженное оружие. Только после этого в стене заскрежетали не то цепи, не то зубчатые колёса, и решётка поползла вверх.

Ловец и девушка очутились в тесном тёмном покое. Через узкое окно внутрь глядели звёзды, над чёрными городскими крышами светила луна, зеленоватая и рыхлая, словно скверный сыр. У стены, расписанной фресками, изображающими события жизни Спасителя, стояла скамья, у окна – небольшой стол с грудой бумаг и старой чернильницей, мрак разгоняли три оплывшие свечи в старом подсвечнике. Возле выступавшего из стены ворота застыл худой всклокоченный старик в длинной, до пят, ночной сорочке и накинутой на плечи шубе, подбитой парчой. Похоже, очень и очень дорогой шубе. Под шубой, на груди, висела внушительная Спасителева стрела.

– Ну, чего тебе, суетное ты существо? – недовольно вопросил старик. – Чего ради будишь? Ночь на дворе! Добрые чада Спасителя нашего спят, десятый сон видят!

Хаэльдис внезапно затряслась и рухнула на колени – впрочем, не выпуская из кулака удавку.

– Простите, отче, не гневитесь!.. Это доглядчик, из Игниса-мира доглядчик, вам привела сразу, не погубите!..

Старик бросил на Эварху острый взгляд.

– Откуда знаешь, что он от святош, малявка?

– В-вот… золото, золото их… у него было… – на трясущейся ладони она протянула кругляш, тускло сверкнувший в свете свечей. И как от стражи-то утаила?… Эварха только зубами скрипнул.

Старик повёл ладонью, по тёмной комнате прокатилось горячее эхо его чар.

– Не врёшь, пташка, и впрямь оттуда золотишко… Ладно, подожди пока.

Он резко позвонил в колокольчик, дверь в конце покоя распахнулась, и двое вооружённых воинов, повинуясь жесту старика, вывели девушку вон. Она даже и не подумала сопротивляться, удавка выпала из пальцев, замерла на полу уснувшей змеёй.

Эварха остался стоять, как стоял, не шелохнувшись. От всех приключений и бессонной ночи его слегка лихорадило – словно на охоте, когда надо выждать, выманить зверя, выцелить его, и только тогда бить наверняка. Или, в данном случае, – бежать. Выяснять, что это за мир да что в нём к чему, ловец не собирался – больно надо! Тут быть бы живу…

Старик разглядывал пленника с возрастающим интересом.

– Ну? – снова вопросил он. – Не похож ты на адепта белых братьев, ни силы их в тебе, ни святости. Уж это-то я издали почую, я ведь у них живал… А ты другой. Эльфийской крови к тому же, верно? Так что ты в Игнисе забыл, эльфик?

Эварха шевельнулся. Если уж врать – то врать как можно ближе к истине, как в Долине. Везёт ему в последнее время на проницательных старцев, возьми хоть Пустошника, хоть Архимага, хоть вот этого вот жутковатого дедулю со стрелой Спасителя. Хотя до мессира Архимага им всем – как до Долины раком…

– Чего забыл, чего забыл – работал я на них, – ответил он не без сварливости и поразился тому, как хрипло звучит голос. – Я свободный охотник, брожу по мирам, ловлю э-э… всякоразличных тварей, по заказам иль так, доставляю, деньги беру…

– Как звероловы на жизнь зарабатывают, я знаю, – сухо оборвал его старикан. – Скажи лучше, как же ты в Игнис-то попал, охотничек?

– Они меня сами нашли. Потому что я из охотников на всяческую нечисть – лучший… ну, или один из лучших.

– Или один из лучших, да, да, – кивнул старик. – Скромность есть великая добродетель, как учит нас Спаситель. Так вот, нашли они тебя, и что?

Эварха пожал плечами:

– Да ничего. Нашли, заказ сделали. Я выполнил, что требовалось – тварь словил, доставил, плату получил. Возвращался домой, попал в бурю в Межреальности, выбросило меня прямиком к этой вашей Хаэльдис в силки…

Старик заулыбался и с видимым удовольствием потянулся. Эвархе отчего-то стало не по себе.

– Ишь, как у него просто-то всё… А ежели я мастера позову, профоса нашего? Непревзойдён сей мастер в искусстве отыскания истины…

– Да не вру я, господин хороший!

– Но и правды всей не говоришь! – Горящие глаза старика впились в Эварху. – Что за заказ? Кто заказал? Куда ты его доставил? Почему именно в Игнис? Где твой дом? Как святоши тебя нашли? Всё говори, всё подробно! Ну?!

Ловец набычился. Злость вскипела в нём и смела все расчёты. Поединок он безнадёжно проигрывал – ну и демоны с ним!

– Кто ты такой, чтобы мне допросы чинить? Я никаких законов не нарушил, ни на чью жизнь не посягал! Я даже не знаю, ни что за мир, ни что за город!

– А тебе знать и не надобно! – захихикал старый клирик. – И я тебе отчёта давать не стану, знай только, что любой, кто на Игнис хоть ногой ступил – нашему миру враг.

– Что, и ты тоже? Сам сказал, что жил там.

Старик помолчал и заметил совсем другим тоном:

– А и наглец ты, эльфик. Как тебя звать?

– Эварха-ловец.

– Ну, так расскажешь всё сам, Эварха-ловец, или мастера позовём? Поведаешь честно – накормим, напоим и спать уложим в приятном месте, А ежели нет…

– Да поведаю я, чего ж скрытничать. – Ловец пожал плечами. Ничего не попишешь, придётся делиться подробностями, знать бы только, какие не навредят! – Но не так уж много я и знаю, не взыщи, господин хороший, не ведаю, как звать-величать…

– Викарный епископ Уго Тремоледа, к вашим услугам, – ухмыльнулся старик. – Можешь звать меня просто – ваше преподобие.

– Хорошо, твоё преподобие. – Эварха решил не пикироваться. – Расскажу всё как есть, мне что Игнис, что любой другой мир – лишь бы денежки платили, а под пытки за них лезть – благодарю покорно…

Он почти не сомневался, что старик на это клюнет – наёмники ему, похоже, привычны. И верно, его преподобие викарный епископ Тремоледа понимающе усмехнулся:

– Истинно так, охотничек… коль и в самом деле на Игнисе тебя просто наняли тварь какую словить, так чего тебе запираться? Валяй, выкладывай, я слушаю.

И ловец пересказал свою историю примерно в том же виде, как пересказывал её много раз в Долине магов, умолчав на сей раз, однако, не только о Вольном городе, но и о самой Долине. Чем меньше люди о тебе знают, тем меньше навредят, как любил поучать Мелге.

– А что случилось в Межреальности?

– Не знаю, – признался ловец. Этого он и вправду не знал. – Удар, меня по тропе потащило, едва не сорвался, а выбросило эвон куда…

Старик задумался. За окном едва-едва посветлело, из города донёсся колокольный звон – звонили, должно быть, в храмах Спасителя. Хозяин прищёлкнул пальцами, вспыхнули ещё свечи, и стало видно, что это либо молельный покой, либо какая-то храмовая каморка.

Голоса колоколов слышались ближе и ближе, пока басовито не загудели совсем рядом. Эварха окончательно убедился, что он снова попал в храм Спасителя.

«Свезло так свезло», – вспомнилась ему Хаэльдис.

– Вот что, Эварха-ловец, – сказал, поднимаясь, старик. – Дела сейчас у меня, а ты подожди пока. Отдых и еду получишь. Монашек в постель пока не дам, – он усмехнулся, – но накормят хорошо. Посиди под присмотром, а днём увидишься кое с кем.

Ловец счёл за лучшее поклониться пониже.

Странные они тут, демоны побери. Храм вроде бы, старик при богатой стреле, а даже не спросил, верует ли Эварха. Словно это было неважно.

Эх, как там девчонка Хаэльдис? Всё ли с ней хорошо? Ловец с некоторым раздражением признался себе, что беспокоится о ней больше, чем о пропавшем перстне с черепом.

Встреча и впрямь состоялась. Только уже не в храме, а в настоящем дворце, куда ловца привезли в закрытом экипаже, под охраной четвёрки вооружённых короткими мечами воинов.

Там его отвели в комнатку без окон, освещённую лишь свечами, однако обставленную со всеми удобствами, и оставили наедине с весьма приличным обедом – хотя по времени и для завтрака было рано. Так что ловец по крайней мере наелся.

Потом Эварха дремал на узком топчане, расслабившись – как всякий охотник в ожидании добычи, копя силы для схватки.

Он давно научился чувствовать время. Очень полезное умение, когда ты то и дело попадаешь в разные его потоки или бродишь по Междумирью, где ни ночи, ни дня. Около полудня в замке заворочался ключ, и на пороге явился давешний старик, только не в исподнем, прикрытом шубой, а затянутый в парчовое священническое облачение, такой суровый на вид, что впору было испугаться. За спиной старика застыли те же четверо мечников.

– Его высокопреосвященство монсиньор кардинал желает видеть тебя, Эварха-ловец.

По тёмным коридорам, устланным коврами, мимо застывших в нишах статуй и ваз, его провели в залу, к богато сервированному столу. На стенах вперемежку висели лики Спасителя, перечёркнутые стрелы Его, золочёные и деревянные, и картины вполне мирского содержания. Если не сказать, фривольного – Эварха отвёл глаза от полотна, изображавшего игры полуобнажённой девы и некоего фавна. Дева притворно смущалась, фавн проявлял настойчивость. Но эта была ещё вполне невинна по сравнению с висевшей рядом и являвшей, так сказать, развитие событий.

За столом восседал толстяк в багряной рясе и вкушал жареного каплуна. Он махнул рукой – сверкнули внушительные золотые перстни, – и ловца подвели ближе. Свободу ему не ограничивали, но и сесть никто не предложил.

– Значит, ты и есть тот прознатчик, которого слуга наша выловила в Междумирье? – Взгляд у толстяка оказался неожиданно острый.

– Я не прознатчик.

– Может быть, может быть… – сощурился толстяк. – Но, как мне передали, ты бывал в Игнисе. Видел некий обряд, связанный с древней тварью… Расскажи-ка о нём подробнее.

Эварха принялся рассказывать, а кардинал время от времени задавал вопросы, на редкость, как признал Эварха, толковые. Может, в грех чревоугодия он и впадал, но магом был явно дельным.

Выслушав, кардинал переглянулся со старым викарием.

– Безусловно, трансформа высшего порядка, Уго. Для святой магии вполне доступно, а вот мы себе этого позволить не можем… Зато можем кое-что другое. Как тебя там, ловец! Говоришь, ты был принят в монастыре Сил Святых? Что ты там видел?

Ловец отвечал на вопросы, которые задавали уже и Уго, и кардинал по очереди – задавали быстро, чётко, не позволяя ему обдумывать ответы. Это был уже не допрос – проверка, кое-что об Игнисе в целом и о монастыре Сил Святых они и сами знали, и теперь желали убедиться, что ловец не лжёт.

– Что ж. – Кардинал отложил так и не доеденную ножку каплуна. – Я вижу, тебе можно верить, ловец. Ты принёс нам важные вести – мы бы тебя наградили и отпустили восвояси…

– А что мешает? – рискнул Эварха.

Кардинал усмехнулся, отхлебнул из серебряного кубка.

– Надобно сперва искупить вину перед святой Церковью Спасителя. Эй, Грегор!

Один из мечников шагнул ближе, и не успел Эварха дёрнуться, как на него накинули тонкий тугой ошейник. Замочек защёлкнулся, шею немедленно сдавило, ловец захрипел, вцепившись в плотную, упругую ленту, не дававшую дышать. В глазах потемнело, однако ещё миг – и удушье отпустило, только шея неимоверно чесалась. Эварха ловил ртом воздух, чувствуя, как странный зуд пронизывает его, отдаваясь в глазных яблоках и костях. Чужая магия устраивалась внутри, свивала себе гнездо, до поры до времени впадая в спячку.

А сам ошейник исчез. Пальцы ощущали лишь чистую кожу.

«Вот дела, – уныло подумал Эварха, – только зловредного червеца избыл, и на тебе, новая напасть! Что за манера у всех в последнее время – что-то в меня запихивать?!»

– Вот так, – удовлетворённо сказал кардинал. Ни он сам, ни викарий Уго даже бровью не повели. – Ошейник этот считай за епитимью, ловец. Заклятие удушит тебя, коль не выполнишь возложенное поручение и не вернёшься к

оговоренному сроку. Неизысканно, признаю. Даже банально – да зато надёжно.

– А что делать-то надо? – буркнул ловец, всё ощупывая шею. М-да, не зря он святошам никогда не доверял! Подловили, как мышку на сыр…

Впрочем, в отличие от Игниса здесь он не чувствовал магии Спасителя. Не было её ни в ошейнике, ни в расписной каморке, куда попал утром, ни в заклятиях, коими угощал его викарий Уго Тремоледа. А в Игнисе сила Спасителя была повсюду, словно растворённая в самом воздухе – уж её-то Эварха знал хорошо! Белая, жгучая, сухая сила. И отец Бенедикт, и монахи, и в особенности отшельник – все они были до краёв ею полны, ею творили заклятия, ею осеняли верующих.

– Что надо делать, говоришь? – Его высокопреосвященство, так и остававшийся до сей поры безымянным, ловко разделал ножом остатки каплуна. – Да будет тебе известно, ловец, мир Игнис впал во грех гордыни. Впал до такой степени, что возомнил себя равным Спасителю. Можешь такое себе представить? – В глиняный горшок на полу полетела обглоданная кость. – Лет двести назад это многим не понравилось, и Церковь Спасителя раскололась. Большинство клира и верующих осталось на Игнисе, продолжая впадать во грехи, а часть ушла. Здесь, в Идиллии, мы живём тихо и смиренно, а вот Игнис не оставляет мысли… нет, не вернуть отпавших, но отомстить. Ибо гордыня рождает ненависть, верно, Уго? Они, в ослеплении своём, решили, что могут нести Слово Спасителево и само спасение вместо Него, и первыми в их списке – мы. Оружие для этого ковалось долго… – Брякнула ещё одна кость. – Ты видел его там, ловец. Это существо, трансформу. Жизней своих адептов они тоже не пожалели, шпионов мы ловили преизрядно, и будь ты шпионом… – Кардинал перевёл дух и вытер руки полотняной салфеткой. – Будь ты шпионом, завтра бы уже болтался на уютной виселице напротив Жестяных ворот. Но ты не такой, ловец. Не такой, я вижу.

Эварха пожал плечами – мол, не такой, и хорошо, однако предчувствия его одолевали самые дурные. Такие методы убеждения, как зачарованный ошейник, в благих делах не используются.

– Всякий, восстающий против Игниса, свершает угодное Спасителю, – разглагольствовал кардинал. – Ибо грех гордыни всех иных грехов хуже и все их в себе заключает. Понимаешь ты это? Ты встал на верный путь, ловец, осталось лишь делом доказать, насколько ты готов. Не жалеть живота своего, не впадать в постыдную трусость, а почувствовать себя святым воином Спасителевым,

сражающимся со всемирным грехом.

Эварха молчал. Кардинал, предающийся чревоугодию и развесивший в собственных покоях весьма малопристойные картины, и младенца бы не убедил в своей святости, – но вот ошейник и четверо мечников за спиной очень даже убеждали.

Почему-то святые отцы Игниса, хоть и выпустили его в Межреальность на верную смерть, казались сейчас куда более похожими на истинных слуг Спасителя. Они, по крайней мере, не лгали. И, кажется, по-настоящему верили.

– Ну как, мне продолжать, или сразу пойдёшь на виселицу?

– Продолжать, конечно, э-э-э… ваше высокопреосвященство.

– Уго, смотри-ка, а он понятливый, – ухмыльнулся кардинал. – Давай, покажи ему.

Викарий слегка поклонился и принёс из дальнего угла высокий деревянный ларец. Сделал знак – мечники вышли, оставив Эварху наедине с церковниками. Крышка со стуком откинулась, и на алом бархате явился большой тёмный кристалл, причудливо огранённый. Грани его не блестели, он словно вбирал свет свечей, зато изнутри, чудилось, пробивалось призрачно-багровое сияние. В нём заключена была немалая сила, сейчас дремлющая, свернувшаяся, но готовая в любой миг вырваться на волю.

Кристалл живо что-то напомнил ловцу. Но что?.. Эварха протянул руку и, поскольку никто не возразил, прикоснулся к матовой грани.

Ну конечно! Пустошник. Ловушка для Древней богини. Сложная связка тёмных кристаллов – очень, очень похожих на этот, только меньше и не столь причудливой формы. Но будто из одного тигля вышедших…

У Эвархи перехватило дыхание, словно он наткнулся на логово крайне опасного и невероятно дорогого зверя. И сунуться боязно, и мимо не пройдёшь. Во что ты вляпался, ловец?!

– Это, Эварха-ловец, твоё покаяние, – усмехнулся старый викарий. – Вовремя ты нам подвернулся, так послужи теперь во славу Идиллии! Времени тебе даём седмицу. В Игнисе тебя знают и впустят, а ты приблизься с этим кристаллом к тому крылатому созданию, которое видел. Подобраться надлежит как можно ближе! Дотронуться-то, наверное, не сможешь, но – чтоб ближе некуда. Подберёшься – коснись пальцами этих трёх вершин. – Уго указал на них, и кристалл отозвался багряной вспышкой. Свернувшаяся дремлющей змеёй магия вскинулась, окатила ловца горячей волной. – Запомнил? Прикоснись вот так, до десяти досчитай и отпусти. А потом принесёшь его сюда, к нам. Тогда и ошейник снимем, и наградим, и отпустим на все четыре стороны. Мы должны защитить себя, а без этого защита наша мало чего стоит.

– А если я ничего не принесу, вы меня удушите.

– Именно. И если не вернёшься вовремя или нарушишь тайну – тоже. Меньшее зло, меньший грех во избежание греха большого. Видишь, ловец, как всё просто? – кардинал сыто вздохнул, отодвинул блюдо, взялся за кубок. – Очень просто! Послужи нам, и мы вознаградим тебя. Но главное – будешь чист перед Спасителем, сражаясь против великого греха…

– Я не верю в Спасителя.

– А это неважно, Эварха-ловец, – ухмыльнулся Уго. – Ты, главное, помни, что белые святоши не такие уж и святоши, и когда доберутся до Идиллии, тут камня на камне не оставят. Потому что для них мы – отступники и еретики, а ересь надо выкорчёвывать безжалостно.

Эварха вдруг вспомнил сгоревший мир, над которым стаей стервятников кружили белокрылые ангелы, и содрогнулся. Он умолчал об этом сейчас, но не забыл, и по всему выходило, что кардинальский викарий прав… Что там говорил толстый маг Динтра – что человек, стоящий рядом с трупом, не обязательно убийца? Пусть оставит эти рассуждения для бродячих сказочников! Интересно, в том мире тоже жили отступники и еретики?..

Он уже не знал, кому верить. С одной стороны, отец Бенедикт, брат Магнус, все прочие – вроде как не делали ничего плохого, заплатили честно, удавок на шею не накидывали, а что выпустили больного в Межреальность… Так он ведь сам ушёл. Не потому ли отшельник так уговаривал его остаться?.. Остаться, чтобы

принять истинную веру и излечиться. И верно – если б он, Эварха, остался лишь потому, что носил в себе червеца, а не из искреннего желания сталь добрым чадом Спасителя, получилось бы кощунственное, с точки зрения брата Августина, враньё. Ведь горевал тогда брат Августин, искренне горевал!..

И хоть Эварха недолюбливал слуг Спасителевых, но монахи Игниса не показались ему ни лицемерами, ни интриганами, как те, что сидели сейчас перед ним. Но ведь был и тот несчастный погибший мир, и ангелы над ним, собирающие в клубок выплеснувшуюся предсмертную силу.

Конечно, здешние церковники старательно разыгрывают честность и смирение, но на самом деле под овечьей шкурой скалится волчья пасть. Одна их удавка чего стоит! А как они обращались с Хаэльдис…

Хаэльдис!

Кардинал о чём-то спросил, и пришлось повторить вопрос:

– Согласен ли ты, ловец? Клянёшься ли исполнить порученное?..

– А у меня есть выбор? – Ловец горько усмехнулся. – Исполню, ваше высокопреосвященство, не знаю, как вас по имени. Но с одним условием.

Уго вздёрнул брови, как бы удивляясь: эта мошка пред нами ещё и условия ставит? Но смолчал.

– Я пойду не один. Мне нужна спутница, та, которая меня к вам доставила, рекомая Хаэльдис.

На лицах его высокопреосвященства кардинала и его преподобия викария сперва отразилось великое изумление, быстро, однако, исчезнувшее. Старый Уго ухмыльнулся, шагнул к Эвархе, потрепал по плечу.

– Ага, – ласково проговорил он. – Как же я запамятовал-то – тварь ты на Игнис доставил и плату получил, так ведь? Хаэ-то монетку показала… – Рот его разъехался, как говорится, почти до ушей. – Вон оно что, обобрала тебя пигалица наша, карманы дочиста обчистила…

– Ловка дева Хаэльдис, – захохотал и кардинал, утирая рот салфеткой. – Как есть ловка!..

– Ловка, монсиньор, – согласился викарий. – Да, Эварха-ловец, на твоём месте я б тоже её в спутницы себе затребовал.

– А и отпустим её, – отсмеявшись, сказал наконец кардинал. – Исполнишь наше повеление в точности и деву вернёшь в целости и, гм, сохранности – получишь назад своё золотишко. Ну, за известным вычетом в пользу святой Церкви Спасителя нашего.

Эвархе ничего не оставалось, как поклониться.

– Всё верно, ваше высокопреосвященство, монсиньор кардинал. – Он старательно скопировал викария Уго. – Золотишко своё назад хочу, точно. Вдобавок и дорог в Междумирье находить не умею. А дева Хаэльдис – так зовут, – уведёт и приведёт, куда надо. А уж я глаз с неё не спущу, монсиньор, клянусь ловецкой удачей!..

– Ты совсем с глузду съехал, золотенький, совсем чиканулся? Ты меня за каким лихом потащил во смертушку поганую, а? Только-только дух перевела, умыться не поспела, хоп – посыльный от кардинала! Ещё хоп – и ошейничек! Ничего так, да? И кто виноватый?..

– Рот закрой, – велел Эварха. Сейчас, когда руки и ноги не спутывала эльфийская верёвка, разговаривать с несносной девчонкой стало куда проще.

Хаэльдис надулась. Она, конечно, лукавила, как все женщины – успела она и умыться, и отдохнуть. Вон, лицо чистое, одежда новая, и даже перо в тёмных волосах, кажется, другое. Да и сами волосы в новые косички и прядочки переплетены, новыми бусинами увешаны.

Но обиделась она, конечно, сильно. Эварха вздохнул и покачал головой.

Девчонки! Ведь это Хаэльдис виновата, что они оба сейчас по уши в неприятностях, если не сказать хуже, – а обижается на него!

Сейчас они стояли в тёмном туннеле – всё там же, под городом. Викарий Уго, провожая их в путь, – за окнами кардинальского дворца уже разгорелся закат – особо предупредил насчёт секретности. Дескать, кругом соглядатаи да шпионы, и если ловец не хочет раньше времени сойти во гроб, то в его интересах получше скрыть свою миссию. Хаэльдис во время этой проповеди молчала, как в рот воды набрав, смолчала и теперь, когда Эварха прямо спросил её, чего стоит бояться.

Вот упрямая коза! Ловец ведь не идиот, не забыл, как она спешила опередить неких «княжьих злыдней» – значит, в этой их Идиллии не только обжора-кардинал власть имеет. Значит, и другие есть.

– Куда идти-то? – смягчился Эварха. – Да не стой ты столбом, ну, выдернули тебя из постельки – зато работа не пыльная! Проводила туда и обратно, золота получила, всего-то дел! И я тебе пару монет отвалю, так и быть. Из того, что ты в Междумирье припрятала, спасибо тебе, кстати.

Хаэльдис засопела, выругалась сквозь зубы. Потрогала шею – на белой, ровной коже никакого следа от зачарованной удавки – и нехотя указала вправо.

– Туда идём. Потом на развилке второй слева отводок.

– Перстень верни, кстати.

– Покончим, золотенький, и будет тебе твоя цацка.

Она упрямилась, но ловец решил не давить. В конце концов, они сейчас в одной упряжке лямку тянут, а перстень с черепом – вот он, радостно скалится на тоненьком указательном пальце Хаэдьдис, сияя сапфировыми глазницами. Не делся никуда.

Эварха пошёл первым, девчонка – за ним. Надо отдать должное неутомимому Уго, снарядил он их по высшему разряду и всё потребное раздобыл в самый короткий срок. Эварха щеголял в новой кожаной куртке, на боку – простой, но с хорошим клинком кинжал, за спиной – боевая коса со складным древком, лезвие из странной узорчатой стали.

В котомках – сухари, вяленое мясо, сушёные яблоки и даже орехи с мёдом. Во фляжках – вода и вино. Если б не ошейники, чего ещё желать?

– Ты откуда знаешь, как идти?

Хаэльдис оскалилась:

– Поброди тут с моё, золотенький! Да и перстень твой помогает, безглазых чует. Подари мне его, а?

– Ха, обрадовалась! Это ещё заслужить надо. И вообще, ты меня втянула в неприятности, ограбила, с чего это я должен тебе что-то дарить?

Девчонка зафыркала, но скоро оттаяла и сосредоточилась на дороге, время от времени останавливаясь, отыскивая на развилках какие-то ей одной известные отметины и вполголоса советуясь с черепом, именуя его, о ужас, «миленький».

Эварха даже ощутил укол чего-то вроде ревности, поняв, что эти двое пребывают в совершенном и нерушимом согласии.

А ведь она очень молода, куда младше его. Сколько ей – четырнадцать? Пятнадцать? Как попала на службу к этому жирному лицемеру в кардинальской мантии? Отчего так странно говорит? Отчего не сбежит от них всех в Междумирье – может, на неё ещё одна удавка накинута, посильнее нынешней?

В этой нахальной девице крылась какая-то загадка, и чем больше ловец думал о ней, тем сильнее она его манила.

Он даже впал в рассеянность, чего с ним ещё ни разу не случалось в пути, и очнулся лишь тогда, когда Хаэльдис резко остановилась перед очередным разветвлением. Округлый коридор здесь слегка сужался, и от него плавно отходили два отводка вправо и влево. Девчонка некоторое время топталась перед развилкой, ощупывая неровную стенку, череп мерцал глазницами, что-то подсказывая, а Эварха чувствовал себя совсем сбитым с толку. Он было сам попытался дотянуться до текущей вокруг силы, услышать ту глухую ненависть, похожую на ненависть неупокоенных мертвецов, которую он ощутил в прошлый раз в этих подземельях.

И – ничего. Точнее, злоба никуда не делась, но словно бы приугасла, рассеялась в подземном мраке.

Хаэльдис встревоженно обернулась:

– Эй, золо… как тебя, Эварха! Неладно тут. По ключу надобно шарить направо, а Адальберт говорит – налево…

– Кто говорит?!

– Адальберт, – буркнула девчонка, указывая на череп.

«Адальберт, раздери меня осенние ведьмы, – подумал ловец. – То-то черепушка выглядит таким довольным, кто бы ещё его так шикарно прозвал!»

– А если прямо?

– Там тупик, уж я знаю.

– Ну так пойдём, как э-э… Адальберт говорит! Или что?

Хаэльдис яростно дёргала себя за одну из бесчисленных косичек.

– Неладно тут, – снова пробормотала она, принимаясь, точно слепая, шарить по стене. – Везде неладно. Аль не чуешь? Безглазые тут, близко, близко… Подобрались…

Эварха ничего такого не чуял, но на всякий случай расчехлил боевую косу, закрепил древко металлической накладкой, чтоб не переломилось в бою. И вовремя – только последняя защёлка встала на место, в туннелях возникло какое-то движение. Вначале просто ток воздуха, едва ощутимый, несущий неприятный кислый запах. Потом, сразу – не то вздох, не то тяжёлый всплеск, сразу со всех сторон, всё ближе и ближе.

– Вот они! – взвизгнула Хаэльдис, отпрыгивая назад. – Тикаем!

Однако далеко «утечь» не вышло, потому что туннель позади оказался перекрыт – в глубине его колыхалось и наползало нечто, напомнившее Эвархе вылезающую из раковины улитку, с той только разницей, что размером оно было с добрый валун. Нечто тяжко вздыхало, наваливаясь на стенки, оставляло на них потёки густой жёлто-зелёной слизи.

Хаэльдис, бежавшая впереди, резко остановилась – но недостаточно резко.

Коричневатая тварь с неожиданным проворством выбросила тонкий язык, разбрызгивая слизь – Эварху окатило резким кислым запахом, вышибающим слёзы. Тут бедовой девице и пришёл бы конец, когда б не перстень – череп рванулся вперёд, разом словно вывинтившись из гнезда – за ним тянулось нечто вроде голубоватой призрачной спирали – неестественно широко распахнул челюсти и вцепился зубами в склизкий отросток. Хаэльдис заорала, схватившись за палец – перстень мгновенно слетел с него, едва не вывихнув. Глазницы черепа полыхали багровым, неслышимый визг ввинчивался в самые кости.

– Адальберт! – вопила Хаэльдис. – Вернись, недоумок!

Крошечный череп яростно трепал щупальце, точно охотничий пёс, взявший кабана «по месту»; тварь запузырилась, поверхность пошла крупной дрожью, по ней покатилась ядовитая слизь – но череп, хоть и вымазался весь в жёлто-зелёной дряни, не отпускал.

Эварха взмахнул косой и отсёк мучительно извивающийся отросток, одновременно кончиком древка стараясь подтащить его к себе. Череп быстро понял, что к чему, и разжал челюсти. Хаэльдис откатила перстень рукоятью ножа, а потом, не жалея воды, полила из фляжки. Поднялся ядовитый белый пар, ловец закашлялся.

– Эй, поаккуратнее там! Это и есть ваши безглазые твари?

– Верная погибель, – подтвердила девчонка, осматривая мокрый, но удовлетворённо щёлкающий зубами череп. Жёлто-зелёная слизь, кажется, совсем не повредила зачарованному кольцу, даже серебро не потемнело. – Адальберт, если б не ты, негодник…

Череп засиял сапфировыми глазницами. «И впрямь негодник», – подумал Эварха, осматривая боевую косу. Первый бой стал для неё и последним – узорчатое лезвие истончилось, издырявилось, словно поеденное ржавчиной; небольшое усилие – и оно просто развалится на куски. Кончик древка обуглился и тлел, источая чёрный дымок.

– М-да, и впрямь верная погибель… И откуда ж тут такое?

– Почём я знаю? – огрызнулась Хаэльдис. – Всегда тут были, всегда жрали. Не человека, так крысу, не крысу, так помои… Всё жрут, но люди им особо лакомы.

– И не такие уж они и безглазые…

– Вообще глазые, – согласилась Хаэльдис, – только глаза то есть, то нет.

И впрямь, в складках бурой плоти время от времени раскрывались чёрные блестящие глазки, таращились, снова прятались. И исходила от этой бесформенной туши тяжкая, необъяснимая ненависть, стремление жрать и уничтожать. Не страх загнанного зверя, не ярость хищника – а ненависть ко всему живому.

Кто ж их таких создал-то? И почему его высокопреосвященство с его преподобием терпят в собственных подземельях этакое непотребство?

Лишившись щупальца, тварь, казалось, поняла, что добыча кусается, и медлила. Эварха тоже отступил. Теперь ловец понимал, чего так боялась девчонка – как бороться с эдаким врагом? Мечом не заколешь, топором не зарубишь, только если одним ударом и пополам, но клинок после этого только выбрасывать. Разве что магией ударить?..

– Эй, а чего мы заклятия под спудом держим? Куда магию бережём?

– А что Уго про тайну тебе талдычил? Вдаришь разок, и весь город на ушах, сразу погоню снарядят! Магия – это потом, в Междумирье. Сейчас уйти попробуем…

Тварь пришла в себя после нанесённого урона и снова поползла вперёд, покрывая камень слизью.

– Ну так бежим. – Эварха обломал лезвие косы и запустил обломками в бестию. Металл зашипел, растворяясь на глазах. – Учти, я не местный, туннелей ваших и тварей не знаю…

– Так некуда, – отозвалась Хаэльдис, указывая назад.

Из двух туннелей-отводков, по которым можно было бы уйти, уже выпячивались бугристые тела безглазых; воздух наполнило кислое зловоние. Свободным пока выглядел лишь тот туннель, что, по словам Хаэльдис, заканчивался тупиком.

– Туда! – Эварха потащил девушку в проход. Она словно утратила волю к сопротивлению – покорно бежала за ним и молчала.

– Где твоя магия, хаос тебя задери? Какая сейчас разница, кто нас услышит!

– Ты не понимаешь. – Хаэльдис слабо дёрнулась. – Мы так верней погибнем…

– Мы так и так погибнем!

– Стой!

Но Эварха лишь оттолкнул её.

Туннель и впрямь заканчивался тупиком. Вогнутая гранитная стенка – словно когда-то давным-давно безглазая тварь доползла сюда, медленно-медленно проедая камень, а потом развернулась и уползла в поисках лакомой двуногой добычи.

Ловец встал, загородив прижавшуюся к стене девушку, выставил перед собой раскрытую ладонь. Он, конечно, маг весьма и весьма слабенький, но уж огнешар-то слепить сможет! Огня эти слизняки должны бояться!

– Стой, дубина! Ты не понял…

Поздно. С раскрытой ладони Эвархи сорвался оранжево-голубой шар размером с яблоко, с размаху встретил колышущуюся в проходе тварь.

Эффект превзошёл все ожидания.

Полыхнула не тварь – полыхнула источаемая ею слизь, да так, что в туннеле мгновенно воцарился огненный ад. Эварха упал, прижал собой к полу Хаэльдис.

Стало нечем дышать, огонь лизал затылок, спину, руки, и ловец подумал: «Только б не больно было умирать, только б не очень больно!»

Девчонка всхлипнула, уткнувшись в камень.

И, когда вокруг стало уже нестерпимо горячо, вогнутая стена внезапно дрогнула и отошла. Огонь взвыл, втягиваясь в открывшуюся полость, и угас, только потрескивали остывающие стены и воняло палёным мясом. Эварха, преодолевая головокружение, поднялся, вздёрнул на ноги девчонку и потащил за собой в темноту. Факел сгорел, а другого не было.

Хаэльдис, похоже, не верила, что спаслась – вцепилась в ловца, как в последнюю надежду, и тряслась. А Эварха, обнимая тонкие плечи, вдруг подумал:

«Я её не отпущу и никому не отдам. Никому, будь он хоть сам Спаситель».

И так себе поразился, что постарался сразу же об этом забыть.

Впрочем, задумываться им никто и не позволил. Не прошёл Эварха и трёх десятков шагов, как каменная плита с грохотом вкатилась на место, а впереди забрезжил неровный приближающийся свет. Путешественники снова попали в ловушку – только уже с другой стороны.

В шее вдруг шевельнулась удавка – шевельнулась и притихла, словно кем-то успокоенная.

Хаэльдис по-прежнему крепко держалась за ловца и будто бы старалась за него спрятаться. А ему ничего не оставалось, как положить ладонь на эфес кинжала и ждать.

Очень скоро послышалось бряцание и нестройный шум шагов, из-за плавного поворота вывернула процессия с факелами: десяток вооружённых солдат и высокий мужчина с бородкой, по виду – нобиль не из последних, в лёгкой кирасе с чеканкой и при мече в окованных серебром ножнах.

– Так-так… – протянул он, разглядывая ловца. – Ну-ка, что за мышь попалась в нашу мышеловку? Не шибко крупная, кажется… Не глупи, парень, и останешься жив. Ясно? А это кто там у тебя?

Он сделал знак, и один из стражников скрутил Эвархе руки, а другой выволок Хаэльдис на свет. Ловец не сопротивлялся – сейчас это только навредило бы.

– Так-так… – вновь протянул нобиль, но уже совсем другим тоном. – Мышка-то с секретом! Привет от его высокопреосвященства монсиньора кардинала де Карраско, этой жирной свиньи, не так ли?

Девчонка молчала и дрожала, как осиновый лист. Нобиль презрительно оглядел обоих пленников и бросил:

– Ну, пошли. Мой господин заждался.

В третий раз за последние сутки Эварха стоял связанный, выслушивал чужие выспренние речи и чувствовал, что это всё начинает ему надоедать.

Хаэльдис, со скрученными за спиной руками, сопела рядом. Их привели в богато разубранный зал – узорчатый паркет, дубовые панели, рысьи и волчьи шкуры да старинное оружие на стенах. В зале ждал хозяин этого места – пожилой, сухопарый, при кирасе и мече, как и приведший их нобиль. Только у этого и доспехи, и оружие оказались доброй гномьей работы, из тех, что в любом мире стоят целое состояние, и при том явно бывавшие в деле. Непрост этот пожилой рыцарь, ох, непрост…

– Тебя я знаю. – Рыцарь указал на неподвижную Хаэльдис. – Цепная псица кардинала де Карраско. Давно искал тебя, милая, думаю, ты понимаешь зачем.

Хаэльдис упорно молчала.

– А вот тебя вижу впервые. – Кивок ловцу. – Кто ты, приятель? Ты маг, а я, дружище, всех магов моего княжества знаю наперечёт. Лучше расскажи честно.

Эварха вздохнул и отбарабанил то же, что и сколько-то часов назад кардиналу. Мол, охочусь на всякоразличных тварей, брожу по мирам, дома своего не имею. Рыцарь одобрительно кивал.

– Я догадываюсь, что именно поручил вам этот хитрец в мантии. – Немолодой воин брезгливо потрогал тёмный кристалл, лежавший перед ним на столе. Кристалл его ретивые подручные изъяли у Эвархи. – Игнис, Белый мир – вот его ужас и его вожделение. И он делает его ужасом для всей нашей несчастной Идиллии… Он отправил вас туда наблюдать и шпионить, верно?

Эварха глянул на девчонку, но та даже не шелохнулась. Пришлось признаться ему:

– Верно. Сказал, сходите туда и обратно с этим кристаллом, вот и всё.

– Узнаю старину Родриго, каштаны из огня он таскает исключительно чужими руками… – тихо засмеялся старик. – Но ты-то чем ему ценен, ловец? Почему именно ты?

– Я бывал в Игнисе и принят там, господин, уж простите, не знаю, кто вы.

– А ты свою подружку спроси, – неожиданно язвительно предложил рыцарь. – Она знает. Впрочем, тайны никакой нет, я – князь-епископ Феликс Валламорена, хотя на самом деле куда больше князь, нежели епископ. Впрочем, к делу! Святые наши отцы, забравшие в Идиллии власть, думают, что смогут отбиться, буде Белый мир Игнис обратит на них свою мощь. Думают, что достаточно бросить всю Идиллию на алтарь победы – и победа будет за ними. Глупцы! Не они одни посылали туда соглядатаев…

Князь встал и прошёлся по залу, сцепив руки за спиной.

– Мы, свободные нобили Идиллии, мы тоже кое-что знаем, мы видели, какими силами располагает Игнис, и не хотим умирать. Силы слишком неравны, Белый мир задавит нас. Мы можем погибнуть все, как один, но врага не остановим. И

мы знаем, да, маленькая ищейка, что у святых наших отцов припасена заповедная дорожка отсюда, на всякий случай. К созданию которой ты тоже приложила немало усилий, верно? Они думают, что в крайнем случае смогут сбежать отсюда, как когда-то сбежали из своего Белого мира. Но нам-то, нам бежать некуда!..

Он остановился перед Эвархой и вперил в него горящий взгляд тёмных глаз.

– Ты! – Он ткнул ловца в грудь. – Ты нам послужишь. Мы не станем вас убивать, хотя маленькая тварь рядом с тобой уже раз десять заслужила смертный приговор. Ты отправишься в Игнис с миссией мира. Мы, благородное сословие Идиллии, хотим переговоров.

Эварха не выдержал и засмеялся. Хороши же здесь власти предержащие! Одни собираются трусливо бежать, прикрывшись теми, кто и впрямь станет сражаться до последней капли крови, другие затевают тайные переговоры с врагом! А сражаться кто-нибудь хочет? Спасать людей, защищать свою землю?..

– Простите, сиятельный господин, а что я за это получу? У кардинала, как там его звать, нашёлся очень веский аргумент. – Эварха потрогал шею. – А вот что вы мне предложите? Может, заодно уж избавите от кардинальского подарочка?

– Не избавлю, к сожалению. – Князь покачал головой. – Не в моих силах. Но могу на время его, хм… усыпить. Собственно, вы именно поэтому ещё живы – мои маги ослабили действие ваших уз.

– Так что вы мне предложите? Чтобы я исполнил волю вашу, а не кардинальскую? – Эварха утерял остатки терпения. Да что ж они все пристали к нему, будто в мире нет других ловцов и магов!..

– Предложить? О, я ничего тебе предлагать не стану. Вместо этого я оставлю залог, – сиятельный князь взял Хаэльдис за подбородок. Она упорно смотрела вниз, не желая встречаться с ним глазами. – Эта малышка отправила на тот свет – непосредственно и через пыточные его высокопреосвященства, да лопнет он когда-нибудь от своего обжорства – очень много моих людей. Моих лучших людей. И мои люди, те, кто жив, – они обижены. Очень, очень обижены. А есть ещё вдовы, родители, дети… И если ты через седмицу не принесёшь мне ответ от белых братьев Игниса, я с удовольствием брошу им эту крыску. И позволю

делать с ней всё, что им заблагорассудится. «Усёк», как выражается твоя подружка?

У Эвархи внутри всё оборвалось. Как они поняли, как учуяли, что он за это действительно сделает что угодно? Между ним и Хаэльдис, кроме препирательств, и не было ещё ничего, но… Но он действительно за неё пойдёт на всё – ради того, что чувствует сейчас и ради того, что между ними ещё может быть. Иначе он и не мужчина вовсе, а, как выражался Мелге, бревно сучковатое.

– Если же ты исполнишь мою волю, ловец, я вас отпущу целыми и невредимыми. Слово рыцаря.

– Кардинал хоть золото пообещал… – пробормотал Эварха, чтобы что-то сказать. Хаэльдис едва заметно дёрнулась, будто он сморозил невесть какую глупость, и снова застыла столбом.

Князь Валламорена усмехнулся.

– Подарить жизнь – что может быть драгоценнее?.. Но ты торгуешься – это мне нравится. Будет тебе и золотишко, слово дворянина. Кралю свою приоденешь хоть, а то и впрямь как крыса помоечная. Эй, Дзиро! Уведите девчонку и глаз с неё не спускайте! Не развязывать, не разговаривать! Ну, сами знаете, как обращаться… А ты, ловец, – жёсткие пальцы ухватили Эварху за плечо, не позволяя увидеть, кто и куда повёл Хаэльдис, – ты сейчас получишь подробные инструкции, что от тебя требуется. Пойдёшь с моим человеком – все переговоры на нём, твоё дело благополучно привести его в Игнис, сделать так, чтобы он встретился с влиятельными братьями, и вернуть обратно.

Эварха потряс головой, отгоняя невольное чувство дежавю.

– Ваша светлость, я ж пути в Междумирье открывать не умею!

– Мой человек поможет, это раз. Два – захочешь увидеть девчонку живой и невредимой, ещё и не то сумеешь. Всё ведь дело в желании, ты согласен?

Глава 2

Клара вместе с валькирией Райной подобрали раненых. Воительница подхватила под одну руку Седрика (или Гильома?), под другую – Гильома (или Седрика); Клара по-прежнему путала близнецов. Мелвилл, скрежеща зубами после влитого в него эликсира (прозывавшегося среди студиозусов Академии «пляской мертвяков», ибо на краткое время мог поставить на ноги даже смертельно раненного), и впрямь поднялся, да ещё и взвалил на плечо полубесчувственную Линду; с другой стороны юную чародейку подхватила уже сама Клара.

– Прости… Клархен… накрыло нас… – пытался зачем-то оправдаться Мелвилл, пока чародейка молча не показала ему кулак.

Они уходили ещё державшейся тропой, пока отряд Ричарда сдерживал крылатых созданий. Именно сдерживал, ибо ангелы – за неимением лучшего, Клара называла их так – развернулись широким полукругом, весьма деловито охватывали магов Долины с флангов. Белые крылья поднимались и опускались, ангелы не слишком быстро, но всё-таки летели сквозь Межреальность, и им явно не требовалось прокладывать никаких троп.

– Ай, молодцы какие, – прошипела сквозь зубы чародейка.

Молниями ангелы больше не кидались; надвигались осторожно, не лезли в лобовую атаку; хватало одного взгляда, чтобы понять – противник этот грамотный, его так просто не возьмёшь.

Спасибо близнецам, тропу они проложили отлично; она уводила Клару и остальных подальше от схватки, заканчиваясь глубоко за спинами магов Долины.

А те, сжавшись плотным клубком, пятились, время от времени посылая в сторону надвигающегося строя крылатых то огнешар, то ветвистую молнию, то веер ледяных игл. В ход шла самая простая, стихийная магия, и это значило, что Ричард д’Ассини по-прежнему ищет уязвимости врага.

Плохо, очень плохо. Главе Гильдии уже следовало это выяснить, после первого же обмена ударами; то, что эта игра длилась, говорило лишь об одном – крылатые оказались куда более твёрдым орешком, чем могло показаться сперва.

Дружинники, хотя им и некого было брать на пики, тоже помогали – громадное большинство владело в той или иной степени магией и сейчас делилось силой с чародеями.

Райна невозмутимо тащила бесчувственных братьев, словно кули с мукой. Мелвилл кривился и дёргался от боли, хотя ран на нём видно не было.

– Мел?

– Внутри… жжёт, – процедил тот сквозь зубы. – То кольцо… бездны знают, что они туда вложили…

Это было ещё хуже – когда в ход шли чары, непосредственно бившие по внутренностям противника, которым не надо было пробиваться через магические щиты или стальную броню.

Мрак и демоны, кто научил этих тварей, кто вложил им в руки этакое оружие?!

Им повезло. Ангелы были слишком заняты Ричардом и его отрядом, Клару с ранеными они высокомерно проигнорировали.

– Клара, дорогая! – старый Динтра, несмотря на внушительное пузо, оказался возле них первым. – Цела? Раненых сюда, живо! – прикрикнул он на дружинников.

Вышколенные, те повиновались быстро. Братьев уложили на носилки, Линда со стоном опустилась прямо на тропу, Мелвилл, скрежеща зубами, остался гордо стоять.

– Цела, да. – Клара, на бегу махнув старому целителю, бросилась вперёд, где распоряжался Ричард.

Лица магов напряжены и угрюмы, наморщены лбы, блестят от пота. Клару приветствовали короткими кивками – не до разговоров.

– Молодцы. – Несмотря ни на что, Ричард встретил чародейку ослепительной улыбкой. – Мы держимся, Клара. Присоединяйся.

– Присоединяйся? Что ты задумал, Дик?

– Медленно отходим, выманивая этих тварей подальше от собранной ими силы. – Ричард уже не смотрел на Клару. – Как только расстояние станет достаточным, чтобы они точно не смогли ею воспользоваться, – ударим. Накроем всех вместе. Воронка Дилмы. Церемониться нечего.

– Слишком близко, – заметила Рита Рикарди. – Воронка требует чистого пространства.

Её поддержали несколько чародеев. Ричард пожал плечами.

– Я считаю, что можно рискнуть. Впрочем, не вижу ничего страшного в том, чтобы и впрямь выполнить все граничные условия, и ставить воронку действительно «во чистом поле», как говорится. Роб! Не спи, не давай им передышки!

– Да, Ричард!

Молодой Роб Кламон быстро закивал, повёл вправо-влево вычурным посохом – он один из магов первой линии не держал в руках меча или секиры. Боевые чародеи всегда предпочитали соответствующим образом начарованное оружие, которым на крайний случай можно было рубить и колоть. Причудливый посох Роберта, с тяжёлым резным навершием, где сверкали многочисленные самоцветы, увитый резными гирляндами, сгодился бы разве что отгонять гусей.

Однако против медленно надвигающегося полукольца крылатых это было то, что нужно.

– Пижон, – проворчала Клара, провожая глазами огнешар, плюющийся во все стороны молниями.

Ангелы, однако, так не считали. Сразу четверо из них резко взмахнули крылами, устремившись навстречу нарочито медленно летящему сгустку огня; перед каждым замерцало нечто, подобное призрачному щиту.

– Ага!

Рита Рикарди смахнула прядь, прилипшую ко взмокшему лбу; шлемом она пренебрегла.

– Защиту ставят, птички наши, – процедила она.

– Причём простую, – белозубо улыбнулся Ричард. – Не пытаются отвести наши чары или рассеять их. Надежда только на то, что завеса окажется прочнее. Ну да, ну да, можно заказать гномам такие ворота, что их никакой таран не возьмёт. Но, демоны меня сожри, они там полные глупцы, если считают, что защиту можно лишь взламывать тупой силой, а брать крепость – только и исключительно разбив створки!

«Слишком много слов, – подумала Клара. – Слишком много говоришь, Ричард. Пока что мы отступаем, а защиту ангелов пробить и впрямь не удалось».

Сдвинувшись, крыло к крылу, четверо белоснежных существ вместе приняли огнешар Кламона; тот рассыпался сверкающим веером ало-золотых брызг, не причинив никому, однако, никакого вреда.

– Так и будем пятиться, Дик?

– Не вижу в этом ничего страшного, дорогая Клархен. – Ещё одна ослепительная улыбка. – Наша дорогая Рита озабочена безопасностью применения сильнодействующих заклинаний, так что… – И он шутовски развёл руками.

– Воронку Дилмы можно использовать только в абсолютно пустом Междумирье, – фыркнула старая волшебница. – Неравномерности среды приводят к, гм, нежелательным эффектам – мы все помним к каким! А здесь не Межреальность, а сплошные ямы с рытвинами, тьфу!

– Прекрасно, дорогая Рита – с радостью выслушаю твои предложения! – ухмыльнулся Ричард. – Пока что могу лишь заметить, что стихийная волшба их почти не берёт.

Несколько магов согласно закивали.

– Так ведь их и делали, чтобы от неё защищаться, – бросил Эдвин Сай, высокий черноволосый маг, обычно хранивший молчание.

– Точно, – кивнул Ричард. – Потому что именно стихийной магией стали бы обороняться обычные колдуны; ну, или варлоки – призывая демонов.

Клара встала в первый ряд, и ей охотно дали место. Ричард, конечно, позёр и слишком любит возвышенные речи, но здесь он прав: молниями и ледяными иглами тут ничего не сделаешь. Имитации обычного оружия не работают. Требуются куда более убийственные чары, из арсенала магии крови или даже, проклятие, некромантии!..

Понятно, почему мессир Архимаг так ненавидит этот раздел тёмного колдовства; но всё-таки, всё-таки бывают обстоятельства…

– Предлагаю вообще убраться отсюда, – подала голос Джей Харна, ещё одна чародейка Гильдии. – Драка назревает серьёзная, твари эти сильны, с наскока их не возьмёшь. Что мы могли о них вызнать – мы вызнали, мир уже мёртв, куда они перекачивают силу, известно – известно ведь, да, Клара?

Волшебница молча кивнула. Джей была хорошим боевым магом, разве что, пожалуй, излишне циничной.

– Тогда что мы здесь делаем? Оставлять это, как говорится, на волю волн нельзя; но экспедицию надо готовить куда более тщательно. И, провалиться мне на этом месте, сил надо куда больше. А мы даже не подняли всю Гильдию! Где, спрашивается, Витар Лаэда? Где Эгмонт? Где Шанри и Генрик Эмплада? Где…

– Мы тебя поняли, Джей! – прервал её Ричард. Обернулся, элегантным движением отправил в ангелов целую гирлянду огнешаров, мечущихся из стороны в сторону, словно летучие мыши на свету. – Тебя долго не было в Долине – обживала новый домик в замечательном мирке Канно, не так ли, дорогая?.. Так вот, отвечая на твой вопрос: Витар в дальнем походе, Эгмонт, как ты знаешь, законтрактован целителями, а мы своё слово держим…

«Особенно после твоего пафосного выступления на совете», – подумала Клара.

– Эмплада остались дома, попросили продлить отпуск. Медовый месяц, как-никак…

– Я б сказала – медовый год! – хмыкнула Джей. – Уходила из Долины – они отмечали, вернулась обратно – по-прежнему отмечают!.. Пора б и прекратить!..

– Это, я полагаю, можно будет обсудить в гильдейском клубе. Когда вернёмся, разумеется, – отрезал Ричард. – А пока – никаких разговоров!

– Ясно, никаких разговоров, – пожала плечами Харна. – Тогда ждём твоих команд, любезный наш кавалер д’Ассини.

– Отходим. Пока – отходим. Пока досточтимая Рита не даст добро на воронку.

– Ну мы же не хотим сами в неё ухнуть! – отозвалась досточтимая Рита. – Ну как дети, честное словно!.. Я тут, наверное, единственная, кто помнит мэтра Дилму в деле!..

– Ну отчего же, дорогая, – вдруг подал голос Динтра, отвлекаясь от раненых. – Я тоже, к примеру, помню.

– Прошу простить, мэтр, – покраснела та. – Значит, и вы тоже…

– Я помню, – решительно перебил Динтра, – что чары Мариуса Дилмы и впрямь требуют ровного, непрерывного тока силы и как можно более гладкой среды Междумирья, однако у меня тут раненые, и тяжёлые. Причём раны эти куда хуже обычных магических поражений. Прошу, друзья мои, не тянуть. Идеальных условий никогда не будет, кроме как на практическом поле в Долине. Надо рисковать – и не доводить граничные условия до абсурда.

Рита Рикарди дослушала речь старого лекаря, пылая всеми оттенками пунцового; однако Динтра, всегда мягкий, спокойный Динтра на сей раз заговорил с ощутимой сталью в голосе.

«Словно совершенно иной человек», – смятенно подумала Клара.

…И они отходили всё глубже в Межреальность, всё дальше от погибшего мира; дружинники, вынужденно оказавшись не у дел, шли мрачно – мол, что такое, болтаемся никчёмным охвостьем!.. Рита Рикарди шагала самой последней, что-то бормоча себе под нос – надо полагать, весьма нелицеприятное в адрес мэтра целителя.

Ангелы по-прежнему тянули за ними. Тянули, но атаковать не спешили, словно в замешательстве.

Отряд останавливался, давая краткий отдых ногам, и тогда расстояние до крылатых преследователей сокращалось, но не более. Выгодными, как могло показаться, возможностями для удара они так и не воспользовались.

– Рита! – наконец обернулся Ричард. – Честное слово, лучше места мы не найдём. Ям хватает, но лучше, чем было. Дальше отходить смысла нет. И нет, Джей, просто так мы не отступим.

– Место и впрямь получше, – нехотя отозвалась Рикарди. – Хотя тоже далеко от идеального. Давайте здесь, чего уж…

– Я помогу, – вновь влез Динтра. – Я имел честь лечить достопочтенного Мариуса после, эээ, его возвращения в Долину, и мы многое с ним обсуждали…

– Ну и память у целителя, – пробормотал кто-то рядом с Кларой.

Так или иначе, отряд остановился. Место и впрямь было «гладким», как выразилась Рита; по мнению Клары, так и вовсе как зеркало, по меркам Межреальности. Ричард знал, куда вывести.

Воронка Дилмы, конечно, известна была любому, прослушавшему в Академии хотя бы один семестр «Основ боевой магии». Собственно говоря, это даже не воронка, а «псевдопортал в искусственно создаваемую временную полость». В эту ловчую яму проваливается твой враг, крышка захлопывается, а потом сдвигаются и стенки, обращая всё, угодившее меж ними, в неразличимую глазом пыль. В принципе, ничего сложного. До идеи подобной ловушки дошли и в самых диких мирах, но Мариус Дилма первый предложил, обосновал теоретически и применил на практике эти заклинания не где-то, а в Межреальности.

В идеале «маг, сведущий в Высоком аркане» должен проделывать подобные фокусы силой одной лишь мысли. Увы, даже сам создатель воронки на такое способен не был, прибегая к помощи многочисленных амулетов, талисманов и прочих магических предметов.

Не обошёлся без них и отряд Ричарда.

Они вдруг перестали отступать, упёрлись, выдвинув недлинную цепь магов, поддерживаемых доброй сотней дружинников. Ричард, Рита, Клара, сопящий и кривящийся от боли Мелвилл и Роб Кламон (вместе с примкнувшим к ним Динтрой) остались в импровизированном лагере.

– Воронка Дилмы – чары высшего порядка, едва ли крылатые способы понять, чем мы тут заняты. – д’Ассини аккуратно раскладывал на кожаном покрывальце разноцветные кристаллы, и одиночные, и в друзах. – Помогайте, друзья. Все, кто помнит наизусть формулу. Кто нет – прошу, не суйтесь под руку, встаньте лучше в цепь, она у нас и так хлипкая. Я начну, центр будет третьего уровня…

– Ого, – присвистнула Рита.

– Предпочитаю не рисковать повторными ударами, – сухо проговорил Ричард. – Повторяю, третьего уровня. Клара, возьми на себя первый рукав, Рита – второй. Роб, за тобой – третий. Пожалуйста, без самодеятельности, всё, как в учебнике, у нас нет времени на споры и согласования.

«Разумно», – отметила про себя Клара, берясь за дело.

– Надеюсь, построение воронки третьего уровня все помнят, – с прежней сухостью напомнил д’Ассини. – Если кому нужно, могу подсказать.

– Спасибо, не требуется, – фыркнула Рита.

– А то у меня все схемы с собой. – Глава Гильдии невозмутимо склонился над ровной поверхностью тропы.

– Предусмотрительный ты наш! – Рита Рикарди поджала губы. – Клара, дай место, пожалуйста. И вообще, с первым рукавом я бы справилась лучше…

Клара не ответила на подпущенную шпильку. Воронка Дилмы – дело и впрямь сложное. Требуется вычертить магическую фигуру, но, в отличие от всех других, инвертированную – обычные фигуры тем мощнее, чем больше, а начертание Мариуса – наоборот. Требовалось всё сжать, сделать линии – волосяными, сопряжения – близкими к идеальным, ну и попутно решать задачки навроде квадратуры круга с использованием квадратрис.

Потом этот чертёж обрастёт руническим шлейфом, к рунам прибавятся классические кристаллы (Дилма был большим поклонником «предельно упорядоченных структур»), и, наконец, самое главное – ментальные формулы, гордо названные Мариусом «тайнами Хаоса», хотя, конечно, ничего общего с Хаосом они не имели.

Чертить построение Дилмы на выпускном испытании – мука мученическая, и среди студиозусов ходила молва, что, дескать, сам мессир Архимаг перед каждым экзаменом самолично изымает из опечатанного конверта билеты с этим проклятым вопросом, однако злокозненные профессора, обожающие мучить несчастных дипломантов и аспирантов, каждый год возвращали проклятую тему обратно.

Остальные маги – их, правда, оставалось всего ничего – удерживали ангелов на почтительном расстоянии. Джей Харна, словно стараясь загладить неловкость после слов о возвращении в Долину, от души пуляла взрывающимися клубками молний и, надо сказать, не без успеха – дважды её выстрелы оставляли заметные чёрные пятна на белоснежных одеяниях крылатых созданий.

Клара несколько раз сбивалась, несмотря на мнемонические чары, позволявшие магам Долины удерживать в памяти донельзя запутанные построения высшего волшебства – Ричард не без сварливости подправлял.

– Место оставь, куда я третий концентратор всуну?

– Сказала б я, куда ты его себе всунуть можешь, – ворчала Клара, но беззлобно – Ричард и впрямь работал мастерски, словно всю жизнь только и готовился применять воронки Дилмы.

– Дик, ты их использовал часто, что ли, эти чары? – опередила её Рита. – Где? Зачем? Против кого?

– Сколько вопросов разом, досточтимая мэтресса Рикарди, – ухмыльнулся д’Ассини. – Давайте вернёмся в Долину, друзья – с победой, разумеется! – тогда, честное слово, устрою закрытый семинар в клубе: «Актуальные вопросы практического применения заклятий мэтра Мариуса на собственном опыте Ричарда д’Ассини». Обещаю, Рита, дорогая!

Роб Кламон чертил, по-детски высунув язык, но получалось у него лучше всех – талантлив мальчишка, нечего сказать. И его не приходилось ни поправлять, ни напоминать ему что-либо.

– Готово, друзья. – Когда Ричард наконец поднялся, с Клары успело сойти семижды семь потов. – Можно начинать. Джей! Отходим, все отходим!

Харна обернулась, коротко кивнула. Растянувшаяся цепь магов дрогнула, подалась назад; дружинники под началом Динтры борзо подхватили носилки с ранеными; Мелвилл, как ни скрежетал зубами, как ни скрипел, а вынужден был присоединиться к ним – всё равно сейчас не боец.

– Идём, Клара. – Ричард лихо подмигнул. – Стоит этим крылатым слегка пёрышки, того, подпалить, чтобы охотнее шли, куда следует!..

Ангелы словно только и ждали, чтобы маги начали отступать. Двинулись следом, крылья мерно взмахивали, поднимаясь и опускаясь, легко неся их обладателей сквозь Междумирье, безо всяких троп и путей.

Эдвин Сай метнул очередной огнешар, но на сей раз ангелы шутить перестали – сразу шестеро их мгновенно оказались у него на пути, а ещё один, седьмой, внезапно воспарив над выдвинутым сородичами щитом, ответил собственной молнией – белой, слепящей, раскалённой.

От этой силы Межреальность содрогнулась, а тропа, над которой проплывали ангелы, запузырилась, словно расплавленный металл, стала растекаться и распадаться.

Джей Харна могли называть циничной и расчётливой, но магом она была неплохим. Не стала встречать силу силой, поставила скользящий подвижный щит, мигом подпёртый и Эдвином, и остальными чародеями первой линии.

Ослепительно-белый росчерк чистой силы коснулся незримого барьера, во все стороны брызнули облака огненных искр, словно в кузне, где под ударами молота летят во все стороны раскалённые брызги.

Клара ощутила резкий болезненный толчок в груди, однако щит уже разворачивался, отводя молнию в сторону; она врезалась в подвернувшийся островок Дикого Леса, исчезнув вместе с ним в яростной вспышке.

«Сколько ж силы они сбрасывают?! – ошеломлённо подумала Клара. – И сколько ж её они накопили?!»

– Помогайте, помогайте все! – яростно выкрикнула Джей. – Это в одиночку не отвести! Не отбить!..

Она и впрямь выглядела неважно – осунулась, под глазами словно мазнули густо-синими тенями.

– Неуязвимы они, что ли? – охнула Шиала Карр, маленькая, худенькая и стриженная под мальчика чародейка.

– Отставить панику! – рявкнул Ричард, вмиг оказавшись рядом с ней и приобняв за плечи. – Отставить панику, Ши! Давай-ка твоё любимое, закрут козерога, острота… остроты сколько сможешь, посмотрим, как с этим справятся!..

«Закрут козерога», коронное боевое заклятие Шиалы; не огонь, не лёд, не молнии, а изменения вращения силы, текущей через само тело неприятеля. Неприятное заклинание, злое, от врага во все стороны летят ошмётки плоти (ежели он её имеет), и, увы, погибает он при этом зачастую далеко не сразу.

«Зачем? – мелькнуло у Клары. – Мы приготовили им воронку, зачем выдавать, что мы способны на куда большее, чем набившие оскомину огнешары?»

Ангелы привычно сдвинули мерцающий щит. Всё-таки, видать, и огнешары не были для них совершенно уж безвредны; защищались крылатые и от них.

Мерцающий щит воздвигся; тонкие бледные губы Шиалы скривились в едкой злорадной усмешке. Чары эти специально создавались, чтобы обходить все и

всяческие щиты; правда, требовали от волшебницы очень большого расхода собственных сил, почерпываемых отовсюду – из того, что её окружало, из талисманов и амулетов, из магических фигур и рун, и, наконец, из собственной жизни.

Вот из последнего источника Шиала и почерпнула, судя по бледному виду.

Сперва Джей, теперь Ши… Ричард очень рисковал, ставя почти всё на один-единственный кон – воронку Дилмы.

Закрут Шиалы не сопровождался языками пламени, клубами дыма или снопами блескучих молний. Лишь маги вокруг неё сморщились, скривились, словно у всех разом разболелись зубы.

Только лёгкая рябь над разрушающейся тропой, словно воздух дрожит над горячими от солнца камнями.

Ричард замер рядом с Кларой – когда только тут оказался? – зубы оскалены, Лунный меч в руке.

– Ну же!..

Чем сильнее маг, тем быстрее его огнешар, тем стремительнее молния; заклятие же Шиалы летело медленно, словно птица, тяжело взмахивающая крылами.

– Глядите! – задохнулась Джей Харна.

Ангелы дружно, словно по неслышимой команде, вскинули правые руки; каждая оборачивалась стремительно удлиняющимся белым клинком.

Две с лишним дюжины снежно-сияющих шпаг скрестились перед строем крылатых; полыхнуло, Межреальность дрогнула; дрогнула и опасно просела тропа под ногами магов.

– Кто дорогу держит, не спать! – гаркнул Ричард.

Легко сказать – не спать, когда возмущения охватывают саму свободнотекущую силу, и Межреальность оборачивается штормовым океаном!..

– Они что же, и заклятие Ши отследили? – пробормотал Роб Кламон, оказавшись по другую сторону от Клары.

Несколько томительных мгновений не происходило ровным счётом ничего. Сияли белые клинки ангелов, мерно вздымались и опускались их крылья, а чары Шиалы канули, словно камень в воду.

Маленькая чародейка аж пошатнулась, и Джей Харна торопливо подхватила её под руку.

А потом мерцающий щит светлых воинов Спасителя внезапно замерцал и погас; погас, потому что одна из белых фигур вдруг зашаталась, конвульсивно забила крыльями, от неё полетели какие-то ошмётки и обрывки.

– Попала! – завизжала Ши, подскочив, словно девчонка, и даже в ладоши захлопала. Правда, почти сразу и осела, глаза закатились, голова запрокинута…

– Динтра! – скомандовал Ричард, но старый целитель словно знал, где должен сейчас появиться.

Шиала Карр мешком повалилась на носилки; пара дружинников рысью потащила её в условный «тыл» отряда; условный, потому что его никто не прикрывал ни со спины, ни с боков.

Поражённый её заклятием ангел словно враз выпал из Ничто, крылья перестали его держать, одно и вовсе сломалось. Молча, беззвучно, он канул вниз, словно в пропасть. Он падал, и белые одежды его разваливались, распадались пластами, словно кора с погибшего дерева.

Дружинники встретили это ликующими криками, а Клара лишь зло сдвинула брови – Шиала отдала слишком много своему заклинанию, что получится, если за каждого сбитого ангела придётся платить вышедшим из строя чародеем?!

– Стихийную магию отставить! – распорядился д’Ассини. – Заклятия разрушения, без материального носителя-передатчика! Заманиваем, заманиваем их! Видите – работает?!

Полумесяц ангелов и впрямь резко и дружно взмахнул крылами, расстояние быстро сокращалось. Джей Харна проделала сложную серию пассов, лицо её покраснело, она зло закусила губу – верно, старалась вложить в чары не менее Шиалы.

Её заклятие достигло ангельского строя мгновенно. Пространство вокруг не успевшей вернуться к остальным пятёрки замерцало и засветилось, там словно заплясал исполинский рой светляков.

– Паразитное свечение, – пробормотала чародейка, словно извиняясь. – Вторичный эффект… никак не уберу…

Это заклинание Клара тоже знала. Вокруг крылатого существа сейчас рвалось само пространство Межреальности, магия оборачивалась короткими злыми стрелами, бившими во всех направлениях. Они навылет прошивали окутанного огнистым облаком ангела, и того швыряло, словно тряпичную куклу; Клара уже ожидала, что и вторая белокрылая фигура низринется следом за первой, но…

Белый свет хлынул со всех сторон, ангелы заметались, и потрясённая чародейка увидела, как заваливающегося крылатого воина подхватила призрачная сеть, удерживая от падения.

Но зато строй ангелов рассыпался, они сбились в кучу, и кучей же ринулись вперёд, прямо на отступающих магов. Змеилась проложенная чародеями Долины тропа; там осталась настороженная западня, совершенно незаметная со стороны и не обнаруживаемая никакими поисковыми заклинаниями.

Во всяком случае, так верила Клара.

Однако державшийся позади остальных гигант-предводитель крылатых вдруг вскинул длань, из неё вырвался игольчатый клинок, сотканный из одного лишь света.

И было это, надо полагать, командой, потому что ринувшиеся вперёд ангелы развернули крылья, замедляясь, замирая как раз перед ждущей западнёй.

Все, кроме одного, самого стремительного.

Нет, он тоже услыхал или как-то иначе воспринял команду, но вырвался слишком уж далеко.

Межреальность вздрогнула. Её сжала незримая рука, складки Междумирья растягивались, чтобы вновь сойтись; разлитый в пространстве жемчужно-серый свет вдруг обернулся кромешной чернильной тьмой; маги попадали, кто не успел поддержать себя соответствующими чарами; во мраке полыхнул багровый зев воронки, словно громадное чудовище, поднимавшееся над остатками тропы.

Хобот стремительно крутился, и вместе с ним крутился, отчаянно бия крыльями, угодивший в западню ангел. Бил, впрочем, недолго – полетели белые перья, крылья сломались, светлая фигурка канула в быстро сжимающуюся ловушку.

Миг – ангел скрылся под поверхностью тропы, словно никогда его тут и не было.

Остался лишь исполинский крутящий вихрь, серый, широко разинувший ненасытную глотку – так и будет крутиться здесь, пока не исчерпаются чары, поддерживающие преобразование свободной силы. А исчерпаются они, скорее всего, не завтра и даже не послезавтра – лет этак примерно через пять тысяч. Или десять.

Ричард скрипнул зубами. Обычно выдержанный и молчаливый Эдвин Сай разразился отборными гномьими ругательствами.

Во чреве с таким трудом построенной ловушки исчез только один из ангелов, только один!.. Остальные закружились было безо всякого порядка, отхлынули назад, но тут вперёд подался их предводитель.

Прежде чем чародеи Долины успели что-то предпринять, белый клинок ударил вновь – прямо в серую муть вихря.

И вот тут Межреальность самым натуральным образом встала на дыбы.

Клара мигом оглохла и почти что ослепла – от ярчайшей вспышки и жуткого раскатистого грома. Тропа ушла из-под ног, словно норовистый конь, чародейка кубарем полетела в пропасть.

– Да чтоб вас всех!..

Она извернулась, бросая заклинание, мгновенно создавшее прямо под ней крохотный твёрдый пятачок, никуда не ведущий обрывок тропы. Она не сомневалась – сейчас такие же чары творят и остальные маги, сброшенные с «тверди» Междумирья; теперь, как говорили наставления, требовалось «установив связь с соратниками, принять все меры к сбору устойчивых фрагментов воедино…»

Мрак отступал, жемчужный свет Ничто медленно возвращался; но само Междумирье вокруг неузнаваемо изменилось.

Удар клинка из белого пламени высвободил поистине титанические силы. Смял, разбросал, разорвал в клочья старое; собрал, примчал, накидал в беспорядке новое.

Торчала рядом невесть где подхваченная красно-чёрная острая скала, какие порой плавают в Межреальности – не то обломки давно погибших миров, не то плоды работы какого-нибудь безумного делателя глыб и камней. Сами маги очутились в глубоком и широком провале; проклятие, что с остальными, что с дружиной, что с ранеными, что с припасами?!

…Наверное, обрушься в тот миг ангелы всей мощью, отряду Долины было бы не устоять. Однако их тоже отбросило, раскидало – Клара видела, как собираются вдали снежно-белые крылатые искры, собираются медленно, словно осторожничая; верно, им тоже досталось.

– Клара!

Ричард. Зовёт, рукой машет – тоже на крошечном лоскуте устойчивой тропы. Показывает на красно-чёрную скалу, увенчанную зарослями Дикого Леса – что ж, разумно. Это лучше, чем балансировать на неверной тропе, удерживаемой только и исключительно чарами…

Дружинники тоже удержались, во всяком случае, большинство. Видать, сработали защитные амулеты, выданные Ричардом перед боем; да и выучка сказалась: держат строй и порядок, помогают выбраться на тропу товарищам.

…Чародеи собирались изрядно помятые и злые. Такого афронта с достопочтенной Гильдией не случалось уже невесть сколько – да, пожалуй, что и никогда не случалось! Воронка Дилмы, на кою возлагалось столько надежд, захватила одного-единственного крылатого супостата; причём враг её явно учуял.

Сказать, что Ричард д’Ассини был взбешён – это ничего не сказать. Стоял бледный, губы плотно сжаты, породистые ноздри раздуваются от ярости.

– Отзовись! – рявкнул он.

Обычное дело, если отряд угодил в заварушку на межмировой тропе.

– Динтра, – спокойно доложился целитель. Удивительно – первым откликнулся, и носилки с ранеными при нём, словно и не летело всё только что в бездну…

– Р-роб… – Так, и Кламон тоже здесь, хорошо.

– Рикарди. Харна. Сай, – слышались ответы. Маги один за другим выбирались на скалистый островок; неугомонная Рита уже чертила отпорную дугу.

– А вон, кстати, и пещерка, какая миленькая!

– Раненых туда! – распорядился Дик. – Они все целы, почтенный Динтра?

– Все, – кивнул целитель. – Мелвилл, Седрик, Гильом. Линда. Все!

– Маги! Переклички в дружинах!.. Раненых в пещеру! Досточтимый Динтра, вам там будет удобнее. Джей! Нам нужны твои чары, ударим все вместе. Ши?! Где она?

– Валяется в полуобмороке, – мрачно сообщил Гедеон Заппа, известный в Гильдии молчун. – Можно попытаться растолкать. Сделать, Дик?

– Не надо, – отмахнулся тот. – Пусть отлёживается. Сюда, господа мои волшебники, все сюда!

Глаза у Ричарда горели, губы сложились в поистине демоническую ухмылку.

– Отличная работа! Мы добыли бесценные сведения. Во-первых, арканы высших порядков – навроде использованных Джей и Шиалой – ангелов таки пронимают. Во-вторых, крылатые способны чуять западни, во всяком случае, их предводитель. В-третьих, из дилмовской воронки угодивший в неё не выбрался. Какой из всего вышесказанного следует вывод?

– Что надо отсюда валить, пока целы?

– Джей! Всё, хватит, посмеялись, пошутили, и будет. Так просто отсюда уже не сбежишь. Сдаётся мне, друзья, что ключ ко всему этому безобразию – вожак крылатых. Если б не он, вся их милейшая стайка влетела бы в наш силок и даже б не пискнула. Поэтому следующий шаг будет таким… – Ричард не удержался от торжественной паузы, – мы повторим воронку Дилмы. Но – не столь огромную, и, самое главное, – подвижную.

Кто-то из магов охнул.

– Такого никто не делал, Дик! – возопила Рита Рикарди. – Только в теории! Даже не полигоне не пробовали!

– Мариус Дилма доказал вполне однозначно, что это возможно, – непреклонно ответствовал досточтимый кавалер. – Доказал на кончике пера, открыв способ mobilis in mobile[1 - Подвижный в подвижной среде (лат.).]; нам остаётся лишь в точности последовать его указаниям. Это раз.

– Неплохо для начала, – буркнула Рикарди как бы себе под нос, но услыхали все.

– Это раз, – громче повторил Ричард. – А прикроем мы этот подвижный капкан чарами Джей и Шиалы. Это два. Ши владеет этим заклятием мастерски, но нам такой отточенности и не нужно – лишь бы вожак отвлёкся.

– А досточтимые маги ничего больше не заметили? – вдруг подал голос Динтра.

Он стоял у зева пещерки, руки в рабочих перчатках широко расставлены.

На перчатках, увы, слишком много крови.

Все головы обернулись в его сторону.

– Ну как же. – Ричард гордо задрал подбородок. – Заметили. Ангелы используют против нас чистую силу – во-первых. Во-вторых, они неуязвимы для стихийной магии. В-третьих, магия, работающая непосредственно с силой, вполне способна их пощипать, и изрядно. Что я забыл, почтенный Динтра?

– Чары Джей и Шиалы, судя по вложенной в них мощи, и мокрого места не должны были оставить от тех, в кого угодили, – покачал головой целитель. – Особенно «закрут». А что получилось? – поражённого ангела подхватили его собратья и – эвон, полюбуйтесь, машет себе крыльями, хоть и с трудом!

– Короче, досточтимый врачеватель, – нахмурился д’Ассини, – что у нас не работает и не получается, мы видим сами. Давайте лучше о том, как сделать так, чтобы получилось!

– Эти создания – конструкты, – пожал плечами Динтра. – Их делали, чтобы противостоять таким, как мы. Они сами – магические творения, построенные по магическим законам: сложены из силы, силой же управляются. Попытки ударить извне отражаются, подобно тому, как панцирь отражает попавшую в него стрелу.

– Любезнейший Динтра, нельзя ли…

– Покороче? – усмехнулся целитель. – Можно, можно. Я бы попытался прощупать эти конструкты на наличие управляющих слабых потоков. Увы, высот в сей области я не достиг, так, слышал что-то краем уха…

Несколько мгновений все молчали, благо ангелы, едва избегнув ловушки, стали куда осторожнее и к островку приближаться явно не спешили.

– Управляющие слабые потоки… – сощурился Ричард. – Я уверен, что они тщательно упрятаны, досточтимый Динтра. Дотянуться до них…

– Будет непросто, согласен, – кивнул целитель. – Тем более что здесь нет никого из гильдии Запретного знания. Но я бы попытался – подобно тому, как мы ловили отзвуки гибельного заклятия там, у сожжённого мира.

– Уловить эхо слабого потока магии? – усомнилась Рита Рикарди.

– Не знаю, может и получиться. – Эдвин Сай наморщил лоб. – Если взять чары Ши и слегка затупить, настроить их на возврат…

– Попробуем, – кивнул Ричард. – Только предлагаю воспользоваться заклятием Джей, соответствующим образом расширив угол развёртки и понизив мощность…

– Этого может оказаться недостаточно… – заспорила Рита, и Клара перестала слушать.

Динтра прав. Это конструкты, значит, в них есть то, что ими управляет. Но не только – крылось тут и что-то ещё. Не просто так явились сюда эти ангелы, не просто так предлагали покаяться и спастись, не пустые слова произносили они.

Не только магия. Далеко не только лишь она.

Но вслух чародейка ничего не сказала. Молчала и Райна, застыла статуей, скрестив руки на груди.

«Странная она, – вдруг подумала Клара. – Ведёт себя как простая наёмница, частенько повторяет: “Когда окончится моя служба здесь…” – и, соответственно: “Когда я получу право жить здесь…” – словно кто-то её когда-то гнал!»

А ведь над валькирией ангелы оказались почти не властны…

Маги тем временем, заведённые неукротимым Ричардом, вновь разворачивали сеть истинного серебра и расставляли талисманы. Динтра вернулся к раненым, а из пещеры выбрался бледный и злой Мелвилл, утверждавший, что уже в полном и совершенном порядке.

Клара вдруг оказалась словно бы и не у дел. Соратники-чародеи носились туда-сюда, а она брела по самому краю скалистого островка, вглядываясь в медленно окружавшую их цепочку ангелов.

Их стало чуть меньше. Одного достала Шиала, другого – Джей Харна, но его успели подхватить другие крылатые. Третьего сожрала воронка. Не так и плохо, если вдуматься. У них, магов Долины, потерь нет, несколько раненых; погибли только дружинники – не все смогли уцепиться, когда стала разваливаться ткань Межреальности.

Так отчего же ей, Кларе, так скверно? Так скверно, словно стоит она на эшафоте, а на шею уже накинута петля?..

– Кирия Клара? – осторожно осведомилась воительница.

– Всё хорошо, Райна.

– Нет, кирия. Не хорошо. Думаете, как и я, с какой стороны полезут?

– Думаю, – призналась Клара. – И ещё думаю, чего они медлят. Им бы ударить, а они медлят. Дают нам оправиться, в себя прийти. Странно это – эвон, какие чары затеваем, троих уже сбили.

Валькирия сощурилась, покачала головой.

– Не просто так ждут, – спокойно сообщила она. – Силу собирают. Я чую. Души.

– Ты? Чуешь?

Райна пожала плечами.

– В своё время… это было моим делом, кирия.

Ну да. Дочь Древних богов, чьё первое дело – посмертие им поклонявшихся.

– И что бы ты сделала, Райна?

Воительница вздохнула, нахмурилась.

– Я бы атаковала, кирия Клара. Если б тут было побольше таких, как я. Меня им так просто не взять…

– Молнией – возьмут, – мрачно заметила чародейка. – Её можно только отвести, а ты, Райна…

– Ну да, не маг, – согласилась та. – Что ж, кирия, тогда будем ждать. И надеяться, что досточтимый Динтра и впрямь знает, как их одолеть.

«Управляющие слабые потоки», – вспомнила Клара и пробормотала:

– Откуда вот только?

– Что-что, кирия?

– Ничего, Райна. Ничего.

Чародейка оглянулась – маги уже растянули заветную сеть, и Ричард покрикивал, распоряжаясь расстановкой кристаллов и талисманов. Динтра, словно убедившись, что всё идёт по плану, вернулся к раненым.

– Гляньте, кирия, – вдруг вытянула руку Райна, подобралась, вскинула копьё наперевес. – Птички наши, видать, чего-то заметили!

И верно – ангелы оставили своё замешательство (или чем они там были заняты), белые крылья дружно взметнулись, и весь их строй устремился прямиком к островку.

– А, чтоб вас!..

Сейчас очень подошёл бы весь арсенал орочьих проклятий, коими столь виртуозно владел галантный кавалер д’Ассини.

На сей раз крылатые, похоже, настроены были более серьёзно. Их великан-предводитель по-прежнему держался позади, но порыв всего строя впечатлял; со стороны, наверное, это было бы даже красиво.

– Пора, Райна, – отчего-то медленно, с расстановкой, проговорила Клара. – Сейчас мы будем умирать.

Товарищи суетились, кто-то споткнулся, сеть пошатнулась, Рита Рикарди с лёту поддержала её левитационным заклятием – молодец, однако! – и расставленные кристаллы начали светиться один за другим.

«Демоны и бездны, они же их сжигают!» – в панике подумала Клара.

Сеть, однако, поднялась и раздулась, словно парус под сильным ветром. По нитям истинного серебра с шипением пробежали алые искры, сила, свободно струившаяся доселе через островок и его окрестности, заколыхалась, заметалась, словно вино в раскачиваемом бокале.

Но и ангелы ждать не стали. Одни складывали крылья, устремляясь к засевшим на скале магам, словно коршуны, падающие на добычу; другие замедлились, соединяясь в круг, в центре которого замер их вожак.

– Клара! Ну где ты там?! – заорал Ричард, вскакивая на острый каменный обломок. – Они нас сейчас размажут!..

Непонятно, чем могла тут помочь именно Клара, однако помогать требовалось, и немедленно; желательно – сотворив чудо.

– Они ставят щит! – крикнула в ответ чародейка. – Первая линия – щит, вторая – будет атаковать!

– Мы не успели! – взвизгнула Джей Харна.

Мелвилл выругался, Эдвин Сай зачем-то выхватил меч.

– В бок бы им ударить, – прошипела валькирия, не отходившая от Клары ни на шаг.

В бок – ну, конечно, в бок!

– Ричард! Ставьте отводящий блок, мне нужны Ши или Джей, мы их обойдём!..

– Я готова! – Джей мигом оказалась рядом. Волосы растрёпаны, на щеке кровь. Она явно так и не отошла до конца от своего заклятия.

– Давайте! – Ричард возился с сетью, руки так и мелькали. Мелкие, стремительные толчки силы – чародей накладывал разом добрую дюжину заклятий, совсем не мощных, но очень разнообразных. – Я их чую! Ещё немного, Клархен!..

Кого он там чуял, Клара не поняла, да и спрашивать не стала.

Времени на хитроумные маневры не осталось, и они с Джей просто «катанули каток», как прозвали это заклинание студиозусы Академии: простейшие чары, пробивающие в Межреальности прямую, как стрела, дорогу, очень недалеко и крайне неустойчиво. Не спрячешься, не скроешься, не уйдёшь от погони…

– Бежим!

Они побежали.

Мимо Роба Кламона и ещё троих магов, что лихорадочно дочерчивали новую дилмовскую воронку – попроще и поплоше.

Мимо мрачных дружинников, сгрудившихся зачем-то вокруг.

Мимо края растянутой сети – нити её раскалились добела.

Спрыгнули все втроём – Клара, Джей и, конечно же, Райна – на пробитую тропу, что уводила в сторону от ангельского строя.

Крылатые не пропустили их, не оставили без внимания, не совершили ошибки. Два ангела отделились от строя, развернулись, крылья взметнулись и упали, погнав их обладателей вперёд.

Джей отставала – сил всё-таки у неё оставалось немного. Обернулась, оскалилась гневно, замахнулась левой рукой – в ладони бессмысленный сейчас огнешар.

– Нет! – выкрикнула Клара, хватая товарку за запястье. – Твоё заклятие нужно! И не сейчас!..

Райна ничего кричать не стала, просто подхватила Харну на плечо, даже не замедлив бега.

Ангелы падали на них, и Кларе почудилось – она слышит хищный свист ветра в белых перьях.

Молния! Белая, раскалённая, испепеляющая саму Межреальность!..

Клара сама не поняла, как подставила щит – потому что прикрыть надлежало не только себя, но и валькирию с Джей на плече. Щит тот же самый, скользяще-отводящий, потому что никакие чары не выдержали бы удара этой чистой, свитой в огненный шнур силы.

Чародейку сшибло с ног, как следует приложило лицом о ею же пробитую тропу; сознания она не потеряла только благодаря вплавленным в доспехи чарам.

– Кирия!

Свободной рукой Райна вздёрнула её, словно пушинку.

Ангелы настигали. Крылья их сияли нестерпимым светом, руки удлинялись – чтобы обернуться разящими клинками, вырастающими словно из собственной ангельской плоти.

Но главное было в другом – чародейкам и в самом деле открывался бок вражьего строя; краем глаза Клара видела смутное мерцание воздвигнутого ангелами щита.

– Джей! Давай, Джей! По вожаку!..

Только бы выиграть время, только бы их задержать!..

У Джей Харны подгибались колени; она, совсем недавно хоть и бледная, но твёрдо державшаяся на ногах, сейчас еле стояла, словно бросок следом за Кларой отнял последние силы.

– Щас я ему, – прошипела она, и Межреальность вокруг вздрогнула, хотя её и так трепал разыгравшийся шторм.

Джей Харну отбросило назад, словно отдачей гномьей бомбарды – Райна едва успела подхватить. Глаза у чародейки закатились, по лицу разливалась даже не пресловутая «смертельная бледность» – на него словно плеснули густой снежно-белой краской.

Джей отдала всё, и ноги у неё – вдруг осознала Клара – подкашивались вовсе не от бега, а потому, что уже тогда она копила силу, извлекая её из собственных крови и жизни.

«Смертные чары», – похолодела Клара Хюммель.

– Джей?!

– До…би… вай… – сорвалось еле слышное с бескровных губ. – До… би… вай гада!..

– Джей!..

– До… би… – И она обмякла.

– Кирия! – Воительница удерживала Харну под руки, и чародейка кинулась к Джей.

– Не…т!.. – Та попыталась оттолкнуть её холодеющими ладонями. – До…бей!..

Посланное Джей Харной заклинание миновало налетающую пару ангелов, миновало выставленный щит, настигнув крылатого предводителя в тот миг, когда тот разворачивался навстречу новой угрозе.

Знакомое мерцание; сияющий белым светом великан задёргался, забился, словно муха, угодившая в сети. Полетели белые клочья – словно свет, дробящийся в многогранном кристалле. Вожак ангелов покачнулся, провалился, и Клара, не зная, чем ещё достать, послала самое гибельное из всех заклятий, которыми владела на уровне «магии мысли», когда не требовались ни амулеты, ни талисманы, ни руны или собирающие силу фигуры.

Время послушно замедлилось – словно бы для того, чтобы о многом подумать, воссоздать в памяти, увидеть, пережить снова. Магия мысли недаром самая сложная из всех; недаром даже опытным чародеям требуются костыли в виде всяческих талисманов, оберегов и тому подобных начарованных вещиц.

Драконы Времени любят шутить шутки, порою весьма злые.

– Внимание! Внимание! – стук старомодной указки по кафедре. И вновь, уже мягче: – Не отвлекайся, Клархен, дорогая. Это, как-никак, Высшие арканы, тут гибельна малейшая неточность.

Мягко светятся начерченные в воздухе символы и знаки – мессир Архимаг умеет погружать ученика прямо в среду. Эти символы и знаки не нужно рисовать, их нужно запомнить, сделать частью мысленного заклинания – и это куда сложнее, чем возиться с сушёными птичьими лапками или черепушками трёхглавых змеюк.

Творя магию мысли, чародей начинает с того, что представляет себе необходимые «ингредиенты». Потом, наловчившись, переходят к образам образов, к высшим абстракциям, чтобы, когда уже надо на деле творить заклятие, всё это – череда стремительно сменяющих друг друга мыслеформ – занимало бы считаные мгновения. Но представлять их надо очень чётко и ясно, и не приведи все небеса и бездны ошибиться или увидеть как-то не так!

Клара старается и представляет. С широко раскрытыми глазами, мессир запрещает зажмуриваться. Сперва надо пройти по всей цепочке символов, а потом уже, ночью, «выгравировать на внутренней поверхности черепа», как говаривали в Академии.

Но и символы – это ещё не всё. Надо очень хорошо понимать, что же именно сделает твоё заклятие.

Образы. Символы. Мысли.

Два ангела налетали, и Клара высвободила чары.

Пространство Междумирья начнёт хаотически сжиматься и разжиматься, возникнут области разной размерности, привычная упорядоченность (даже если это упорядоченность Ничто) исчезнет, воцарится нечто, весьма близкое к Хаосу…

Недаром мессир Архимаг преподавал ей эти чары самолично. И недаром использовать их можно, только если ты не под обычным небом – потому что последствия тогда будут поистине чудовищны.

По ней словно ударили пудовым молотом, чародейку швырнуло на твердь только что сотворённой тропы.

Межреальность перед ней вспыхнула, вырвавшееся на волю заклятие нашло цель, но, увы, совсем не ту, что наметила Клара; под чары подвернулся один из ангелов, его белый клинок угодил именно в то место, где родилось заклинание, и Клара поняла, что ошиблась, ошиблась совершенно по-детски – чары должны были возникнуть вокруг предводителя ангелов, они ж не огнешар, им лететь никуда не нужно, маг проецирует своё сознание на цель, а тут…

– Блестяще, кирия Клара. – Райна склонилась над ней. И как только эта валькирия ухитрялась выдерживать удар за ударом?

Оба ангела падали, кувыркаясь, подбитыми белыми птицами. Заклятие Клары взорвало пространство вокруг их белых клинков, уже обрушивавшихся на чародеек с валькирией, задело самих крылатых, и, хотя не уничтожило, но вывело из строя – они трудно копошились далеко-далеко внизу, кое-как пытаясь взлететь, подняться обратно, но без особого успеха.

Блестяще… Клара кое-как поднялась. Да, предводитель уцелел – но крыльями взмахивал тяжело и трудно, кое-как удерживаясь в Межреальности.

Остальные ангелы потеряли строй, подались назад. Что-то неуловимо изменилось, они словно утратили неколебимую уверенность. Один из них метнул молнию, белый росчерк врезался в голубоватое мерцание воздвигшегося щита и рассыпался облаком сияющих искр.

И тотчас последовал ответ – кто-то из чародеев послал чары разрыва; чёрная глобула пустоты возникла среди ангелов, и им уже пришлось уклоняться, избегать удара; с одного пустота жадно слизнула часть сияющей плоти, однако не сразила – неловко взмахивая единственным уцелевшим крылом, тот похромал, если можно так выразиться, обратно к вожаку.

К неведомому чародею присоединились другие, однако тут ангелы не сплоховали – все дружно, вместе поставили щит, не думая уже об атаке. Двое неудачников-подранков, задетых Кларой, тоже медленно выбирались из пропасти, но ковылять им ещё предстояло долго.

Предводитель, однако, не сдавался. Он на глазах оправлялся, движения становились всё увереннее, и вот – ангелы принялись осыпать скалистый островок излюбленными белыми молниями.

Джей Харна тихонько застонала.

– Я… попала…

– Ты попала. – Пальцы Клары лежали у Джей на висках. Шок миновал, можно было перелить силу напрямую.

– Я… попала…

– Молчи!

Кончики пальцев потеплели, сделались горячими. Сейчас, сейчас, это совсем просто, быстро, ты помнишь это с детства, первая помощь при…

Сила пошла хорошо, свободно и – провалилась. Прошла, словно вода через сито.

Клара похолодела.

Она не опоздала, нет. Джей ушла слишком далеко, слишком сильно хотела достать крылатого вожака; сила не задерживалась в ней, не могла удержаться; чародейка стремительно соскальзывала в смерть.

Но, быть может, Динтра?..

– Райна! Скорее!..

Воительница не заставила повторять дважды.

Они бежали, и на скорую руку пробитая тропа разваливалась за их спинами. Ангелы двинулись было к островку, но под градом посылаемых им навстречу самых разнообразных чар попятились – без вожака они явно слабели, а тот занят был собственными ранами.

Так или иначе, но Клара с Райной успели, прежде чем тропа окончательно распалась у них под ногами. Они выиграли время, но дорогой ценой.

– Лекаря сюда! – гаркнула валькирия, едва они оказались на относительно твёрдой земле. – Почтенный Динтра!..

Почтенный Динтра не замедлил. Тяжело, грузно рухнул на колени возле Джей, руки замелькали – и вдруг бессильно упали.

– Что?!. – задохнулась Клара.

Хотя сама уже прекрасно понимала что.

Целитель медленно закрыл чародейке замершие глаза.

– Отдала всё. Продырявила душу. – Он не смотрел на Клару.

– Я, я пыталась… – пролепетала та.

– Я знаю, милая. Но её не спас бы никто. Даже начни ты вливать в неё силы ровно в тот миг, когда она сотворила заклинания. Небеса превеликие, кто ж мог

подумать, что она на такое способна…

Он осторожно накрыл погибшей лицо капюшоном.

– Покойся с миром, – услыхала Клара его шёпот. – Мы отомстим. И ещё что-то, непонятное, на языке очень-очень смутно знакомом: – Lattu drakkar bera ?ig til gu?a ? loga…

А потом выпрямился, вскинул клинок в салюте.

– На погибель врагу!

– На погибель врагу! – подхватила Клара. Да, так провожали – когда была возможность – павших в сражении членов Гильдии, когда нет времени плакать.

Оно настанет после. После победы, само собой.

ИНТЕРЛЮДИЯ 1

Спасение всё длилось и длилось. День за днём, ночь за ночью купался Игнис в небывалой купели, наполненной Его благодатью. Рико, если честно, уже несколько устал ждать каких-то небывалых чудес – они всё не начинались и не начинались. Есть-пить, а следовательно, и работать на полях, в садах да на огородах приходилось каждый день; чудесное «питание всех светом Его» пока что не наступило.

Вместо отца Северино прислали нового настоятеля, и люди только разводили руками – был он совсем юн, худ, с редкой и клочковатой бородёнкой, а на щеках ещё не успели пройти юношеские прыщи. Сутана у него была почти чёрная, что говорило о невысоком его положении среди служащих Спасителю; вчерашний послушник, не иначе. И на первой же проповеди юнец загнусил столько «недоброугодно» (вспомнил Рико мудрёное словечко отца Северино), что народ не выдержал – смеяться начал.

«Что ж, совсем не могли сыскать нам доброго пастыря?» – сокрушались потом взрослые. Спасение настало, а настоятелей-златоустов, кого послушаешь – и сам к жизни праведной тянуться начинаешь, и не сыскать.

Рико повздыхал вместе со всеми, хотя, по сути, жизнь у него и так настала славная. Как-то раз, вечером, управившись с работой (а она нынче стала легка, и не устаешь совсем!) – сидели они с другом Нино на берегу весело бурлившего ручья, как всегда, споря о том, когда же настанет оно, истинное Спасение, и в чём будет состоять Возвышение, и внезапно услыхали за спиной тихое поскуливание.

Обернулись, и…

– Черныш! – завопил Рико, обнимая друга за мохнатую шею.

Пёс завилял хвостом, тычась мальчишке в щёку холодным мокрым носом.

– Здорово! – восхитился Нино, тоже получив свою долю собачьих нежностей. – Видишь, всё верно говорил отец Северино!.. Начали мёртвые возвращаться!.. Теперь уже совсем скоро!

– Ты же скучал по мне, да, Черныш, да? – совершенно счастливый, спрашивал меж тем Рико, глядя в преданные глаза мохнатого приятеля. – Скучал, знаю, скучал! И я, и я тоже!.. Звал тебя, звал, всё думал, когда ж ты вернёшься! И ты вернулся, ко мне вернулся!.. Хочешь сахарную косточку? Хочешь, конечно, хочешь! Идём, дорогой, идём скорее!.. Эх, жалко, рассказать не сможешь, как оно там, на том свете было…

Возвращение Черныша наделало переполоха в селении. Нет, никто не испугался – потому что предсказано было именно это, – но подивились, что вернулись первыми не достойные отцы семейств, не почтенные матроны, в конце концов, не старый настоятель, уже один раз заглядывавший к односельчанам – а всего лишь какой-то пёс!

– Чего это «какой-то»! – возмутился отец Рико. – Не «какой-то», а сторож первостатейный! Не брехун бездельный, не дармоед – двор охранял, овец с луга, считай, сам пригонял, волка по молодости, было дело, от молочной тёлочки отпугнул! Ко всем Спаситель милостив, ко всякой твари! Верно служил Черныш,

до самого дня последнего, хоть и ослеп почти, а старался!.. Вот и вернул его Он, потому как безгрешен пёс наш, видать!..

Авторитет Рико взлетел в селе на небывалую высоту. Втроём – он, Черныш и хвостом таскавшийся за ними Нино – они важно вышагивали по деревенской улице, и это было по-настоящему здорово.

После Черныша все, как один, ждали возврата и других ушедших, но этого всё не случалось и не случалось. Люди недоумённо чесали затылки, пошли даже к гундявому юнцу-настоятелю, но и тот ничего не смог сказать, кроме как «неисповедимы пути Спасителя нашего».

– А может, ты просто очень-очень сильно по мне скучал? – рассуждал Рико, сидя вечером на крыльце и почёсывая пса за ухом. – Я вот по тебе очень-очень, да. И звал тебя, всё время звал! Ты, наверное, услышал меня и пришёл, да ведь, Черныш, хороший мой?..

Пёс радостно вилял хвостом и при первой возможности норовил лизнуть Рико в нос.

Но, понятное дело, не отвечал.

Глава 3

Междумирье содрогнулось в тот момент, когда Эварха придумывал, как бы ловчее пристукнуть своего провожатого. Нет, не убить – убийцей ловец не был, – а вот угостить чем-нибудь тяжёлым, скрутить и вернуться обратно, в Идиллию, выручать деву Хаэльдис, – об этом Эварха как раз и размышлял, с грустью признавая, что шансов на успех маловато.

Князь Валламорена знал, кого отправлять.

Мужчина в летах, но ещё полный сил, высокий, плотный, с короткими седоватыми волосами. Вся повадка его выдавала привычку к оружию и дальним путешествиям, причём путешествиям опасным. Укладываясь спать, он не только

не расставался с тонкой кольчугой и кинжалом, но и, не таясь, окружал себя зачарованным вервием. Ничуть не хуже стражевой линии. Ну и, пока шли, ни за что не поворачивался к Эвархе спиной, а по сторонам зыркал не хуже самого ловца, так что незаметно не подберёшься. И не заболтать, не отвлечь – как ловец ни старался, воин пропускал все излияния мимо ушей. При встрече назвался Ульфом, кивнул коротко, и потом ловец не слыхал от него больше двух слов в день. Снаряжен Ульф был на славу, и, кроме изрядного мешка с припасами, за спиной у него висел кожаный тубус, с которым он тоже не расставался ни днём ни ночью.

Тубус оплетала зачарованная тонкая цепочка с навешанными на неё камушками, а внутри – явно княжеские грамоты и изъявления покорности, или что ещё там пишут, собираясь договариваться с сильнейшим?..

Эвархе же в виде особой милости оставили кинжал и тёмный кристалл, выданный кардиналом, – «эту миссию ты тоже исполнишь, нам всё пригодится», – а вот возместить утерянную в подземельях боевую косу никто не озаботился.

Да, похоже, что склизкие твари не случайно ползали в тех туннелях и так скоро загнали их с Хаэльдис в ловушку.

И вот, когда ловец раздумывал, как бы отыскать на тропе достаточных размеров яму и заставить Ульфа в неё провалиться, – в этот самый момент сущее вокруг и вздрогнуло.

Межреальность тяжко вздохнула, сила накрыла ловца оглушающей волной и схлынула, всё вокруг поблёкло, померкло, и твердь пути начала подозрительно выцветать.

Ловец упал ничком, распластался на тропе, от ужаса ругаясь на чём свет стоит. Ульф последовал его примеру, только молча, и ещё кинжал успел выхватить. Эварха смотрел сквозь ставшую совсем прозрачной тропу и видел в невообразимой дали под ней размытое свечение миров и чёрные точки диких зарослей, перламутровые сполохи силы, взбаламученной неслыханным ударом, и радужные переливы каких-то чуждых эманаций. Если тропа сейчас развалится – долго придётся падать, ой, долго, и ещё неизвестно, куда упадёшь. Ведь направления в Межреальности – совсем не то, что на земле, можно идти в одну

сторону, а оказаться совсем в другой, можно идти всего день, а одолеть невероятные расстояния; пройдя по тропе туда и обратно, можно вернуться совсем не туда, откуда ушёл. Не говоря уж о финтах, которые в Междумирье выделывает время!

Удар не повторялся, прежний свет вновь разливался вокруг, но сила не успокаивалась. Откуда-то долетали странные возмущения, не дававшие потокам вернуться на свои круги – и ловцу эти возмущения показались странно знакомыми.

Ульф подполз ближе.

– Что происходит?

Эварха перевёл дух. Тропа вроде как перестала расползаться, точно ветхая ткань, можно было подняться на ноги.

– Не знаю. Но ударило близко, очень близко.

– Сам знаю, что близко! Нам это помешать может?

– Когда этакая силища в дело пошла, я б вперёд бежать не торопился…

Впереди всё оставалось, как было, но в Межреальности это ещё ничего не значило. Если тропа впереди делает поворот – повернуть она может куда угодно. Особенно если это не твоя собственная тропа, а чья-то временная дорожка, случайно найденная и ведущая вроде как в нужное место.

– Сиди здесь, я проверю, – велел Эварха Ульфу, но тот не послушал, пошёл следом. «Боится, видать, потеряться, – с некоторым удовлетворением подумал ловец, – знакомой дорогой пройдёт, но и только – маг-то он слабенький, а в Межреальности и опытному сгинуть недолго».

Тропа впереди и впрямь делала крутой разворот, почти петлю. Эварха на всякий случай пригнулся, осторожно-осторожно заполз за изгиб и замер, поражённый открывшейся картиной. Ульф уткнулся ему в спину, молча подполз и тоже замер.

Тропа открылась в другую область, возможно, очень близкую, но не соседнюю. И там вовсю кипел бой, какого ловец никогда ещё не видывал и не ведал даже, что такие бывают.

Вспухали огненные купола. Разверзались бездны, жадно затягивая всё, что находилось рядом. Потоки пламени пронзали сущее, и между ними, словно ласточки над крышами, носились белокрылые фигуры, отсюда казавшиеся крошечными. А другие, тёмные, сбившись в клубок на красно-чёрном скалистом островке, поросшем поверху Диким Лесом, хоть и окружённые со всех сторон, атаковали – огненными щитами, ледяными копьями, звёздными вихрями, ненасытной пустотой. В сердцевине этого шторма медленно вращалась призрачно-серая воронка, провал в Межреальности, – наверняка результат того самого удара, который сотряс Ничто.

Эварха на миг аж залюбовался – пока эхо очередного боевого заклятия едва не смело его с тропы.

Маги Долины в прямом бою столкнулись с ангелами Игниса. «И, раздерите меня все святые, – подумал Эварха, – я даже не знаю, на кого из них поставить! Так вот почему эхо их заклятий мне знакомо – это сила Спасителя, сила Белого мира, которую я сам когда-то держал в руках!»

– Что это? – пробормотал Ульф, совершенно сбитый с толку.

– Это, достопочтенный, те самые, с кем твой князь Валламорена говорить хочет, – не удержался ловец. – Во всей красе, что называется. Любуйся, пока можешь.

Эварха указал на белокрылые фигурки, которые сейчас своими движениями плели нечто вроде громадной серебристой сети, жгучей даже на вид. Маги пытались им помешать – насколько сумел понять ловец, большая часть их атак нацелена была не в крылатых врагов, но в узлы и сплетения сотворяемой ими сети. Чародеев тоже потрепало – ловец различал, как одни помогали идти другим, а кого-то и вовсе тащили на руках.

А князь Валламорена-то, пожалуй, прав. Ангелы сотрут их Идиллию в порошок, если захотят, одним движением белых крыльев. Но сдаваться вот так, сразу, на милость сильнейшего… Эварха вздохнул, эта мысль была ему противна.

Вот если б князь и кардинал не пихались локтями, как двое мальчишек в песочнице, если б договорились… У одного есть что предложить Игнису, у другого – чем дать отпор. А в любой хорошей ловушке, – уж это-то Эварха знал получше многих, – две части: приманка и капкан. Вместе бы они справились – точнее, у них был бы шанс. А так…

Но сейчас это всё лишь пустые раздумья, у князя осталась Хаэльдис, и против этого обстоятельства в ловце протестовало всё. Он должен её вытащить, а Идиллия со всеми её интриганами – да гори она огнём!

Но только после того, как девчонка окажется в безопасности.

Ангелы внизу завершали сияющую сеть, аккуратно растягивая её вокруг парящей скалы, однако накидывать отчего-то не спешили. Куда спешить, противник рано или поздно высунется из укрытия: магам теперь или атаковать, или бежать, но атаки им пока явно не по силам.

– Эй, ловец! Это обойти что, никак нельзя? – Ульф чувствительно толкнул Эварху в плечо. – Хватит на месте сидеть, время не ждёт!

Тропа под ними резко обрывалась вниз, скатываясь к самому сражению.

Спуститься, не сломав шею, конечно, можно – но заметят их всё равно, а пробить новую дорогу Эварха бы не сумел. Нужно ждать исхода боя, о чём он и сказал Ульфу. И мысленно прибавил, что ему-то самому вовсе не стоит показываться на глаза магам Долины, от коих он под шумок сбежал.

Однако в нём тут же зародилось сомнение. Чем дольше он смотрел на ангелов, разворачивающих своё заклятие-сеть, тем яснее в голове выстраивалась одна идея – идея, достойная настоящего ловца.

Ловушка для Древней богини, выданная когда-то Пустошником. Артефакт огромной мощи, невесть откуда взявшийся в самый нужный момент и в самое нужное время. Артефакт, заключавший в себе тёмные кристаллы, подобные тому, который он сейчас нёс с собой, и сеть, подобную той, которую сплели внизу ангелы Игниса.

Это всё что-то значило, что-то крайне важное, но сейчас копаться в загадках Эвархе было недосуг. Что он сейчас действительно мог – так это воспользоваться своим знанием и помочь магам. Разумеется, небезвозмездно!

И, разумеется, следовало поспешить, пока к укрытию чародеев ещё остались свободные подходы.

Эварха скинул заплечный мешок, устроился на нём понадёжнее.

– Сиди тут, жди! – рыкнул он на Ульфа ещё раз, так что тот оторопел, и изо всех сил оттолкнувшись, помчался по тропе вниз, как катался когда-то малышом с ледяной горки.

Эх, был бы здесь ветер – свистел бы в ушах!..

Ангелы его, разумеется, сразу заметили – Эварха ощутил коснувшееся его огненное дыхание, призрак белого пламени. Пригнулся, приготовился прыгать, однако трогать его почему-то не стали. В конце тропа сделалась едва не отвесной, и Эварха не удержался – покатился кубарем вместе со своим мешком, больно ударяясь боками то о тропу, то о свои же припасы.

– Я свой, я ловец Эварха, пропустите меня! – завопил он издалека, размахивая руками.

Наверное, его узнали, потому что под сень парящей скалы он влетел помятый, запыхавшийся, но живой.

Маги глядели мрачно и настороженно – растрёпанные, перемазанные копотью, а кто-то и кровью, а дружинников – тех осталось едва две трети. Эвархе очень хотелось бы думать, что часть их просто отправилась обратно, в свою благословенную Долину и куда-нибудь ещё, но, судя по увиденному бою, – это вряд ли. А ведь, если вспомнить удар, что забросил Эварху в Идиллию, сражение началось отнюдь не только что.

– Ну и ну! Смотрите-ка, кто к нам тут пожаловал! – Ричард д’Ассини насмешливо отсалютовал ловцу малиновым беретом. Сбоку в дорогом бархате торчал обгоревший остов пера. – Добрый ловец Эварха, собственной персоной! Какая

честь, господа маги, какая честь! И где ж это тебя носило столько времени, приятель, а? И как ты сейчас вовремя появился!..

Ловец оглядел отряд Долины, сбившийся в укрытии под красной с чёрными прожилками скалой. Дружинники угрюмо молчали – и то верно, чему веселиться, коль в угол загнали?

Толстяк Динтра вместе с русоволосой Кларой Хюммель и ещё одной статной чародейкой, которую все называли валькирией, занимались ранеными – а раненых было порядком, и не только среди дружинников.

В стороне, отдельно от всех, Эварха заметил неподвижное тело на носилках, лицо прикрыто капюшоном дорогого плаща. Явно не дружинник – кто-то из чародеев. Вот и у вас пошли настоящие потери…

Остальные маги отдыхали, измотанные, перемазанные гарью и очень, очень злые.

Как видно, могучие волшебники Долины столкнулись с противником, достойным их сил. Сейчас они почти не сопротивлялись, позволяя ангелам замкнуть сеть – лишь двое или трое не давали крылатым скучать, проверяя их то молнией, то крутящимся вихрем. Ангелы поставили щит один раз, другой, а на третий сочли за благо оттянуться подальше, выйдя, надо полагать, из досягаемости обычных чар.

А ещё маги старательно обходили некий каменный обломок, на вид – совершенно обычный. Чар на нём ловец никаких не почуял, что, впрочем, ни о чём ещё не говорило.

Эварха кинул быстрый взгляд через плечо – не попёрся ли за ним дурак Ульф, с него станется! Нет, остался на месте. Потом, конечно, доложит обо всём своему князю, ну да ловец надеялся, что к тому времени Хаэльдис будет уже далеко.

– Прошу прощения, досточтимые маги. – Эварха поклонился, стараясь держаться как ни в чём не бывало; извлёк из-за пазухи кардинальский кристалл. Тот немедленно ожил, в тёмной глубине мерцали и метались багровые сполохи – совсем как в тех камушках, посредством коих ловец спеленал Древнюю богиню.

Не ошибся он, значит.

– Прошу вас, не гневайтесь, досточтимые, и выслушайте меня! – Эварха вскинул безоружные руки. – Вижу, дело тут у вас жаркое. Мню, что могу помочь – снастью своей ловецкой, а после и вы мне поможете – умением своим чародейским. Однако, коли промедлим – всё пропало!.. А потому – доверьтесь мне сейчас, очень прошу, а потом я всё и объясню. И пусть милости ваши меня судят.

Последнюю фразу, от коей за версту разило неприкрытой лестью, он вставил, вспомнив советы Пустошника.

Маги переглянулись, но, несмотря ни на что, соглашаться отнюдь не спешили. Динтра подошёл из своего лазарета, за ним – Клара. Ричард д’Ассини прищурился.

– Слишком уж ты вовремя появился, почтенный Эварха. Слишком уж вовремя помощь предлагаешь. Это, знаешь ли, веры тебе не прибавляет, приятель, отнюдь нет. И, помнится, ты-то как раз с этими милыми птичками и их создателями повязан был, разве нет? – Он кивнул в сторону ангелов, которые заканчивали оборачивать искрящей сетью скалу.

– Так вы на всю Межреальность шумели, как тут мимо пройти, – не удержался ловец, однако железо следовало ковать пока горячо и пока ангелы не замкнули сеть. – Да будет вам известно, с миром Игнис я никак не связан, только бывал там. Монахи тамошние меня наняли, что верно, то верно, а вот что «связан» – нет. И без того такую гору неприятностей заработал, что больше уж туда не сунусь, хоть сколько золота мне ни сули!..

– Ну, предположим; а теперь-то чего же ты хочешь? – Динтра глянул на него с интересом. – Сбежать от нас сообразительности у тебя достало, парень ты хваткий, выгоду свою видишь – чего ж теперь от нас понадобилось? Сам не справишься?

– Не справлюсь, – помолчав, признался Эварха. Лгать в глаза старому лекарю, так заботившемуся о нём в Долине, не хотелось. – Потребно мне немногое, сущие пустяки – помогите одного человека из темницы вытащить, в недалёком отсюда мире, где тот страдает безвинно. Вам, таким могущественным магам, это

ничего не стоит, разок пальцем шевельнёте, и всё! А уж я расстараюсь, вам помогу.

– Это как же? – с прежней насмешливостью осведомился красавчик д’Ассини.

– Да вот так. Сами смотрите. – Ловец протянул чародею кристалл; в глубине под отполированными гранями уже вовсю плясали багряные языки.

Маг осторожно взял, пригляделся. Остальные волшебники Долины сгрудились вокруг.

Интересно, что они там могут увидеть, с их-то знаниями? Явно куда больше, чем сам Эварха!

– И чем это поможет? – резко спросила чародейка Клара. Она хмурилась – видать, ей больших тайн кристалл не открыл.

Эварха подавил внезапно возникшую дрожь, как сумел, растолковал, что артефакт может встроиться в сеть-заклятие. Что кристалл способен свернуть её в себя, а всё вместе – послужит крепкой ловушкой.

– Я этим только пользовался, – признался Эварха, – мне такого вовек не смастерить. Но вот что он сетку этакую развернуть и вновь собрать может – я знаю.

Ричард д’Ассини молчал, продолжая вертеть кристалл в пальцах. Что-то он там почуял – что-то такое, чего не поняли остальные, и теперь, кажется, пытался разобраться, что это такое и как с этим быть.

– Динтра! Как там Седрик с Гильомом, очнулись? Могут посмотреть? Тут действительно магия высших порядков, до конца даже я не могу разобраться.

– Очнулись, – ответила почему-то Клара Хюммель. Чародейка кусала губы, то закидывала косу на плечо, то отбрасывала обратно на спину. Она замкнулась, помрачнела по сравнению с той Кларой, какую Эварха запомнил в Долине. Наверное, не так-то легко проигрывать сражения, когда считаешь себя могучим чародеем. А может, было что-то ещё?..

– Раз очнулись, пусть выслушают досточтимого Эварху и скажут, возможно ли использовать его артефакт. – Д’Ассини явно был раздражён. Вот уж воистину, отправился по шерсть, да вернулся стриженый. – И побыстрее, пока нас тут совсем не удушили!..

Ангелы тем временем замкнули сеть. Скалу опутал серебристый мерцающий кокон – Эварха ощущал, что потоки текущей сквозь Межреальность силы истончились, словно обмелевшие в засуху ручьи. И впрямь в точности, как ловушка для Древней!.. Да, магам Долины сейчас несладко – удар нанести, считай, что и нечем.

Но, похоже, неудача давила на них куда сильнее, чем западня.

– Точно, господа чародеи. – Эварха даже руки к груди прижал, стараясь быть ещё убедительнее. – Тот же самый кокон, тот же принцип, что и в моей ловушке!..

Ответом ему была дюжина сумрачных взглядов исподлобья.

– Ничего не понимаю, – пробормотала седая Рита Рикарди. – Мы ведь всё рассчитали верно, ошибки быть не могло! Почему у нас ничего не вышло?!

Эварха сообразил, что язык Долины теперь совершенно понятен и ему, хотя Рита и обращалась не к нему, но к другим магам. Видать, сейчас чародеям стало не до запретов с ограничениями.

– Что значит «ничего не вышло»? – немедля вскинулся д’Ассини. – Мы не смахнули их, словно крошки со стола, это верно. Но скольких мы уже сбили, а, Рита?..

– Троих. И потеряли Джей, – отвернулась магичка. – И, Ричард, эта твоя вторая воронка…

– Она нам ещё послужит, – непререкаемо бросил тот. – Я рассчитывал бросить её на сетку, но, похоже, у нашего дорогого ловца есть идея получше.

– И всё равно я не понимаю, почему…

– Потому что, дорогая, они не просто магические конструкты, даже увешанные по самую макушку оберегами от элементальной магии, – наставительно заметил Динтра. Он один по-прежнему оставался спокоен. – Таких мы бы опрокинули играючи. Но этих ведёт не обычная сила, к какой мы привыкли. Это же магия веры, магия Спасителя, и она, гм… имеет дополнительные резервы, как и характеристики. Отныне нам придётся это учитывать.

– Если вырвемся, – буркнула одна из чародеек помоложе.

– Вырвемся, – непреклонно отрезал Ричард д’Ассини. – Сомнений быть не может. – Взгляд его упёрся в Эварху. – А поведай-ка нам, добрый ловец… что сталось в конце концов с той Древней, кою ты уловил посредством, как утверждаешь, похожего капкана?

– Я ж рассказывал, сударь маг… со счёту сбился, сколько раз… – развёл руками Эварха. Однако в животе отчего-то стало весьма неуютно.

– Рассказывал, верно, – кивнул чародей. – О том, как заказ исполнял, о том, как добычу доставил, о том, как переделывали её монахи на Игнисе; а вот что дальше с ней сталось? В кого её превратили?

Эварха открыл рот, закрыл и снова открыл. А потом опять закрыл, потому что уж слишком глупый вид у него получался.

В самом деле, всё, что он видел, – это магический кокон, заключивший в себя Древнюю. И всё, что он ощущал, – странные, пугающие чары, трудившиеся под его поверхностью, превращавшие пленённую богиню в нечто совершенно иное. Ричард д’Ассини был совершенно прав, задавая вопрос: превращавшие её… во что?

– Этого я уже не видел, господин чародей. Отцы святые со мной расплатились, да и выставили за порог… точнее, я сам ушёл, а они…

– Да-да, – нетерпеливо прервал Ричард, – я помню. А они тебя не остановили, хотя знали, что рана твоя смертельна. Не суть. Что случилось с Древней, ловец Эварха?

– Не могу знать, сударь д’Ассини, – беспомощно вздохнул ловец.

– Не можешь… – сощурился Ричард. – А не может ли быть, что её сделали одной из вот этих вот крылатых?

Маги зашевелились, запереглядывались, кто-то хмурился, кто-то заморгал недоумённо, кто-то, напротив, тут же принялся чертить какие-то формулы и руны.

– Вопрос, откуда вообще взялись эти конструкты, конечно, интересный, – протянул Динтра, – но откуда ты можешь знать, Дик, что Древняя…

– Такую, как она, словил только я, – сдавленно проговорил Эварха. – Она одна такая.

– И ловить, и в кокон запелёнывать пришлось посредством твоей крови, ловец? – не отступал Ричард. – Что ж, друзья, боюсь, что имеем мы дело как раз с этой тварью, только в ином обличье.

– Монахи её едва обуздали, и она им чуть весь монастырь не разнесла, – напомнила чародейка Хюммель. – Может, они и раньше переделывали в ангелов всяких магических существ – только не столь сильных, как эта богиня. Вполне разумная практика, кстати.

– Угу, вполне разумная – а откуда они взяли чары для таких трансформаций?! – Ричард нацелился в Клару пальцем. – Сами додумались?! Своим умом дошли? Допетюкали?

– Может, и сами, – пожал плечами Динтра. – Пренебрежение талантами смертных чародеев может дорого нам обойтись, друзья. Только не думаю, что стоит обсуждать это именно сейчас.

– Да. Да, верно, – отрывисто кивнул д’Ассини после краткой паузы, словно что-то обдумав. – Сейчас и впрямь неважно, как вышло, что слуги Спасителевы преуспели в данном разделе высшей магии, которым и в Долине-то владеют считаные единицы… Главное – я хочу понять, не с Древней ли, изловленной ли добрым нашим Эвархой, мы сейчас имеем дело? С Древней, превращённой в

этого крылатого вожака!

– Может быть, – пожала плечами Рита Рикарди. – Но что с того, Ричард? Это нам как-то поможет?

– Пока не знаю, дорогая моя, пока не знаю. Но чует моя селезёнка, что помочь может, и в самый неожиданный момент.

– Слишком смелое утверждение, – не согласилась Рита. – Учитываешь ли ты, что…

Чем кончился спор, ловец так и не узнал, потому что Клара Хюммель весьма настойчиво потянула его к лазарету.

Ловец брёл в смущении и растерянности. Да, напрашивалось, что Древнюю превратили именно в вожака ангелов; напрашивалось, но строгое доказательство отсутствовало. Может, да, а может, и нет. Может, осталась пленённая богиня на Игнисе; может, именно через неё и делают других ангелов, «магических конструктов», как выразился старик Динтра. А может, это она сама сейчас крыльями машет…

Здесь ловцу стало вконец нехорошо, ибо он весьма некстати вспомнил горящий ненавистью взгляд Древней – за миг до того, как брошенное его рукой копьё ударило туда, где на лике богини оставила следы его кровь.

«Этого она мне не простит», – подумал Эварха.

Но, может, она и не помнит ничего? Или вообще всё это ерунда? Он как мог старался себя успокоить.

В полевом лазарете Эвархе, забыв до поры о Древней, пришлось снова излагать свои предложения двум братьям, похожим как две капли воды. Братья выглядели неважно – бледные, слабые, – но при виде тёмного кристалла заметно оживились, принялись перебрасываться непонятными терминами, втянули в спор Клару Хюммель, и как-то так получилось, что ловец очень скоро очутился не у дел.

Маги совещались, чертили на каменном полу какие-то схемы и расчёты, они словно забыли и о горечи поражения, и о серебристой сети, отделившей их от свободной силы.

Древняя и её судьба, похоже, тоже перестали их занимать.

Эварха отошёл в сторонку, сел на каменный выступ рядом с лагерем дружинников в глубине пещеры и задумался. Правильно ли он поступил? Может, надо было попросту мимо пройти? Пусть бы поубивали друг друга все эти маги, ангелы, вышние силы – что ему чужая война? На кой ему гадания эти – здесь переделанная Древняя или нет здесь? Исполнил бы поручение князя Валламорены, вернулся б в Идиллию, девчонку б забрал, да и увёл бы за руку в Вольный город. Нечего ей по Межреальности скакать, пусть дома сидит, кашу варит! Ну, или если уж сильно захочет, – пусть охотится вместе с ним, Эвархой, чтобы было кому прикрыть ей тощую задницу и проследить, чтоб не лезла в глотку к ракопаукам с ифритами.

Но нет, полез, полез, дурак, куда не просили, и теперь с Хаэльдис совсем скверно получается. Ульф наверняка постарается вернуться обратно – самому ему путь в Игнис не сыскать. Конечно, он не маг, и в Межреальности-то дышит только благодаря навешанным на шею амулетам, но человек решительный и бывалый, такой, пожалуй, обратную дорожку легко найдёт. И что тогда с Хаэльдис случится, даже и подумать страшно.

А ведь есть ещё кардинальская удавка…

Нет, правильно я полез, возразил себе Эварха. Такой вельможа, как Валламорена, понимает и уважает только силу, и ловец с девчонкой для него – сущие букашки. Из тех, что могут укусить, если не пришибёшь вовремя…

«Он бы нас всё равно убил», – подумал Эварха и неожиданно для себя вознёс молитву всем богам, сущим и павшим, чтобы дева Хаэльдис – так звать – осталась бы жива, дождалась бы его возвращения. Одно утешение – там, с ней, черепушка Адальберт. Не даст в обиду, насколько сил его хватит.

Я должен вернуться. Должен вернуться и вытащить её. И маги Долины мне в этом помогут, потому что, кроме них, некому – а значит, придётся мне или убедить их, или заставить.

Означенные маги Долины тем временем что-то высчитали и вы?меряли. Ричард д’Ассини сдвинул на затылок свой берет, прожжённый в нескольких местах, и разогнал всех на работы – кого чертить магические фигуры, кого проверять и расставлять кристаллы, кого – перетаскивать раненых вглубь пещеры. Заняты были все – и маги, и дружинники, и Эварха тоже принялся помогать с лазаретом, попутно приглядываясь к тому, чем занимаются чародеи.

Магические фигуры на этот раз совсем не походили на привычные многолучевые звёзды и окружности с дугами. Ясное дело почему – здесь почти не было свободнотекущей силы, нечего стало преобразовывать. Фигуры напоминали зигзаги и углы, остриями направленные к серебрящейся сети, – улавливать просачивающиеся крохи магии.

В опорных точках мерцали разноцветные кристаллы-преобразователи, а вот своего Эварха не заметил. Что, не годится, что ли? Или приберегают для последнего удара? Или решили прикарманить, а Эварху гнать взашей, как только вылезут отсюда?

Ульф наверняка не станет долго сидеть на месте, сутки-двое, и он будет на Идиллии…

Тут Эварху позвали – Ричард д’Ассини ждал его, держа в руке тёмный кристалл с пламенеющей сердцевиной.

– Досточтимый ловец, – сухо сказал он. – Время на исходе, сеть стягивается быстрее, чем мы ожидали, ещё немного, и наших сил не хватит её разорвать. Всех магов в дело ставим, всех, даже раненых. Рискнём сейчас. Отправим крылатым некий гостинец, надеюсь, он тоже поможет… Но нас мало, и тебе дело тоже нашлось – удерживать сворачивающее заклятие. Ничего сложного, встанешь здесь, через эти линии пойдут потоки силы от сети к кристаллу. Видишь? Следи, чтобы сеть не схлопнулась слишком быстро… – И д’Ассини добавил после паузы: – Если она, конечно, вообще будет стягиваться в твой кристалл. Но мои маги считают, что должна. Итак?..

«А если сеть сожмётся слишком быстро, то сожжёт незадачливого ловца», – подумал Эварха, а вслух сказал:

– Я согласен. Я смогу.

Спрашивать про «гостинец» он не стал – д’Ассини не вдавался в объяснения.

Начали вскоре, укрыв лазарет под красно-чёрными сводами в глубине скалы. Ричард расставил по опорным точкам всех магов, кроме лежачих братьев-близнецов, а ловец встал впереди, ближе всех к сияющей завесе.

Белые огоньки весело перебегали по тонким нитям, свитым из серебристого света, переливались, как роса на паутине, но Эварха всей кожей ощущал заключённый в них гибельный жар. Д’Ассини был прав – сеть становилась плотнее. Сквозь неё уже не видна была Межреальность, да и фигуры снующих ангелов едва можно было угадать. Похоже, крылатые не так уж хотели боя – зачем биться, если можно запереть врага в его укрытии и просто подождать пару недель? Что им, ангелам Игниса, неделя-другая?..

Судя по всему, в открытом бою уверенного перевеса не добился бы никто; но магам пришлось заботиться о раненых и об оказавшихся обузой дружинниках, с которыми чародеи явно просчитались.

Несколько магов, включая и самого Ричарда, возились с плоским камнем, тем самым, который волшебники так старательно обходили.

Короткий толчок силы – кто-то из чародеев задействовал амулет, – и плоский камень, на глазах Эвархи растворяясь в невидимости, заскользил к мельтешившим вдали крылатым фигуркам.

– Держись, добрый ловец, глядишь, всё ещё и обойдётся. – Ричард д’Ассини с нехорошей усмешкой стоял рядом, глядя на мерцающую сеть.

– Что обойдётся, досточтимый?

– Наш подарочек сработает, как я рассчитываю, и тогда, глядишь, рисковать с твоим камешком вообще не придётся.

– Почему «рисковать»? – чуть не обиделся Эварха. – Я и то с ловушкой справился, а уж вы, могущественные…

– Потому что, – остро взглянул ему прямо в глаза Ричард, – что очень непростой этот кристалл. Как я понимаю, непростыми были и те, о которых ты рассказывал. И чем обернётся это, кого капкан захватит – это ещё бабушка надвое сказала.

– Какая бабушка, высокопочтенный?

– Моя, – отрезал д’Ассини. – Ну а теперь молись всем богам, каких только знаешь, ловец Эварха, потому что для тебя же лучше, ежели твой амулет и в самом деле в ход пускать не придётся.

– Ну, силы благие нам в помощь!..

Плоский камень исчез, словно и не бывало. Маги замерли, напряжённо вглядываясь в окружающее пространство – видели свою посылку каким-то образом, что ли?..

Какое-то время ничего не происходило, однако затем Эварха разглядел сквозь стягивающуюся сеть, как ангелы заметались из стороны в сторону, ну точно муравьи, в чью кучу вонзили палку.

– Неужто учуяли? – пробормотал Ричард, так и оставшийся стоять рядом с Эвархой. – Что ж, посмотрим, как на сей раз вы управитесь!..

Ячейки раскинутого ангелами невода сжимались, и вдруг…

Смутно различимая огромная фигура взмахнула крылами, вмиг оказавшись почти у самой сети. Замерла на миг, дёрнулась – слепящий белый меч вырвался из её длани, протянулся через Межреальность, ударил – но лишь рассыпался облаком искр.

Ричард хрипло расхохотался.

– Совсем за дурачков нас держишь, крылатый! Не-ет, придумай что похитрее!

Заклятие невидимости спало, и Эварха видел теперь пламенеющую алым искорку, что подплывала уже к самой сети.

– Ну же! – выкрикнул кто-то из магов.

Однако ангелы не растерялись. Одна из крылатых фигурок поменьше вдруг прижалась к самой сети, забила крыльями – и, ломая их, протиснулась сквозь ячейки, ринувшись наперерез багровой искре.

Ангел не пытался атаковать, он просто падал на неё, да и изломанные крылья уже его не держали.

Ричард выругался.

Межреальность вздрогнула, Эварху подбросило, хоть и не так сильно, как в прошлый раз. Навстречу белой фигурке взметнулась раскрытая пасть воронки, словно атакующая змея, но крылатый даже и не подумал уклониться, напротив – запылал весь, засиял новорождённой звездой, да и канул со всего размаха в распахнутый зев ловушки.

Эварха невольно содрогнулся. Ангел жертвовал собой, сам бросаясь в капкан, заставляя его сработать; если чародей д’Ассини и рассчитывал что-то сделать своей воронкой, он явно ошибся.

– Фанатики, – бросил тот самый чародей д’Ассини. – Самоубийцы. Видали мы таких, во всех видах видывали… но погоди, ещё не вечер!

И точно, зев воронки оседал, однако успел потянуть за собой две или три серебристые нити, и они не выдержали, лопнули. По ушам Эвархе ударил нестерпимо высокий не то визг, не то свист. В неводе ангелов появилась прореха, в неё потекла сила – пусть не слишком обильно, но потекла.

– Спасибо небесам и безднам за малые споспешествования, – сквозь зубы процедил д’Ассини. – Что ж, теперь легче дело пойдёт, не так ли, Эварха-ловец? Давай, путы мы надорвали, теперь станет полегче твоему кристаллу – на него вся надежда.

Эх, «вся надежда»! А чего ж ты ждал, покуда тебя и отряд твой не спеленали, аки паук беспечную муху?

– Держись, ловец, – без улыбки бросил ему Ричард и отошёл к своему месту в паутине скрещённых магических линий.

– Начали!..

Фигура под ногами замерцала, углы-сцепки с сетью вспыхивали один за другим, и так же отзывались управлявшие ими маги:

– Есть!.. Есть!.. Есть!..

Построения ожили, и ловец ощутил, как в ответ вздрогнула надорванная сеть, как по линиям, на которых стоял он сам, заструился обжигающий поток. Так, сейчас главное – не позволить ему течь слишком быстро и мощно, не превысить порог, заданный самой фигурой, иначе сеть, схлопываясь, прихватит с собой и Эварху, и многих, стоящих у него за спиной. А там, в пещере, на самом вытянутом луче фигуры, противостоящем другим лучам и углам, мерцал ало-чёрным пламенем тёмный кристалл-ловушка.

Ловушка для ловушки.

– Задействуем тягу! Линда!..

– Есть!

– Кларисса и Кант!

– Есть! Есть!..

Фигура, вычерченная, придуманная магами Долины, потянула на себя сложнейшее заклятие, каковым и являлась, по сути дела, серебристая сеть.

Поток силы обрушился на ловца, линии наполнились, взбухли, словно русла весенних ручьёв талой водой. Он держал их мысленно, не при помощи рун или амулетов, и это требовало всего его умения, всего магического дара. Тяжесть навалилась, сковала, и казалось, что он вручную пытается остановить тяжело гружённый воз, медленно, но верно сползающий со склона.

Серебристые нити, бессильно свисавшие на месте разрыва, затрепетали, словно подхваченные ветром, потянулись к островку.

– Ловец! Держи, не выпускай!

Отвечать было некогда. Некогда стало и следить за тем, что делают другие маги – четыре потока силы, ровных, трепещущих от наполняющей их мощи, текли мимо него, тянули за разорванные нити, увлекая за собой огненно-белую сеть, сворачивая, скрадывая, затягивая в тёмный кристалл.

Ловец держал их, ни на миг не позволяя себе расслабиться, аж взмок.

Но противник тоже не мешкал. Сеть задёргалась, напряглась и обвисла, потоки силы заколебались, что-то светлое промелькнуло на границе зрения раз, другой… Ловец не выдержал – вскинул глаза и остолбенел.

Ангелы продолжали ткать серебристое полотно слой за слоем, и то, что уходило в кристалл с одной стороны, с другой – непрерывно прирастало.

Несмотря на то что сейчас сеть уже не закрывала выход плотно, висела, словно мокрый невод, – исчезать она не торопилась. А щели, куда могли бы уйти маги, – мимо них то и дело проносились крылатые фигуры.

«Кристалл не выдержит. – Эварха похолодел. – Он всего один, ещё немного, и его попросту разорвёт. А остановить – это уже не остановишь ведь!..»

Пока маги опережали, сеть обвисла ещё и заметно поредела, разрыхлилась, сквозь неё виднелась Межреальность и ангелы, снующие, словно челноки в руках невидимой ткачихи. Но это – пока кристалл выдерживает. А потом?

Свободная сила снаружи продолжала течь в пещеру, её становилось всё больше, Ричард и остальные уже пытались её использовать – Эварха ощутил эхо плетущихся чар, но что они, эти чары, делают, не видел.

А ангелы всё носились туда и сюда, и откуда только у них-то сила бралась? Как будто они черпали её из самих себя, как из неиссякаемого источника!

Однако новосотворённая сеть не пропускала и их – плата за то, чтобы протиснуться сквозь ячейки, оказалась неподъёмна даже для ангелов. Заклятие действовало не только на дичь, но и на поимщиков, и этим можно было воспользоваться. Риск, конечно, велик, и маги будут недовольны, но спрашивать их мнения уже нет времени.

«Не я ли лучший ловец всякоразличных тварей? – Эварха криво усмехнулся, хоть как-то пытаясь побороть страх. – Не затем я сюда полез, чтобы погибнуть! И не затем, чтобы верх бы взяли какие-то там ангелы Спасителевы!»

Ангелы сновали, добавляя к уже существующей сети новые полотнища, но эти полотнища провисали, расслаивались, им не нужно было плотно запирать пещеру – достаточно просто тянуться и тянуться. Ангелы торопливо метались между ними, протягивая и сплетая серебристые нити. Между, а не позади, – хорошо, очень хорошо, то, что надо!

– Господа маги! – рявкнул ловец, не выпуская из виду «свои» потоки силы. – Будьте готовы!

Позади послышались крики, вопросы, но Эварха не стал даже прислушиваться. Сейчас – сейчас ловец вступил в схватку сам, и его главным оружием, как всегда, были терпение и точность.

Несмотря на кажущийся хаос битвы, белокрылые фигуры в движении своём следовали чёткому порядку, и потому ловец хладнокровно ждал. Ждал, когда один из ангелов окажется в точке между прежними плотными полотнищами сети и новосотворёнными. И даже – когда он окажется чуть дальше, когда он только приблизится к ней, потому что на то, чтобы захлопнуть ловушку, тоже нужно время.

Эварха привычно сосредоточился, отсекая всё лишнее. Остались только четыре потока силы, тянувшие и тянувшие к себе огненно-серебряную сеть, и ангелы. Вот скоро, почти. Сейчас. Ещё немного… Сейчас!..

Один из ангелов и впрямь повторил уже пройденную петлю, направляясь в зазор между двумя слоями ловчей сети. За ним тянулась, искрясь, огнисто-белая нить. Он мчался, расправив крылья, не чуя угрозы – прямиком туда, куда надо!

Время для Эвархи замедлилось, между ударами сердца проползали минуты.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Подвижный в подвижной среде (лат.).

Купить: https://tellnovel.com/nik-perumov/voyna-angelov-ignis

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити